

Виктория Ближневская

СПОКОЙНЫХ
ДНЕЙ

Книга IV

*Пока смерть
не разлучит*

Виктория Ближевская

**Спокойных дней не будет. Книга
IV. Пока смерть не разлучит**

«Издательские решения»

Ближевская В.

Спокойных дней не будет. Книга IV. Пока смерть не разлучит /
В. Ближевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838202-4

Соня и Илья предаются безраздельному счастью, которое теперь никто у них не отнимет. Однако, вскоре Соне предстоит узнать, есть ли любовь после смерти и есть ли смысл в жизни без любви. Все мосты сожжены, друзья и близкие отвернулись. Только давний враг, который любит и ненавидит ее, становится ее защитником и неотступной тенью. Он один способен смириться с ее безумной любовью к Илье и попытаться вернуть ее из тьмы к свету. Но счастье — хрупкая штука. И спокойных дней у них не будет никогда.

ISBN 978-5-44-838202-4

© Ближевская В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Брачные обеты	16
Глава 2. Жизнь после любви	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Спокойных дней не будет Книга IV. Пока смерть не разлучит

Виктория Ближевская

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Виктория Ближевская, 2017

© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8202-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В жизни он не делал ничего глупее. Не крал чужих невест из-под венца, как не знающий удержу джигит, не сбегал с ними за тридевять земель и уж точно никогда не обольщался мыслью, что можно вот так безоглядно начать жить для себя. Каждый шаг в этой романтической «истории с похищением» был непозволительным ребячеством, которое он не мог оправдать ни двадцать, ни даже сорок лет назад. Что, черт возьми, такое эта переоцененная любовь, которая блокирует трезвый ум и потворствует плоти в совершении безумств?

Рука непроизвольно потянулась к карману, где много часов без дела лежал выключенный телефон. Ясно, что добровольная информационная блокада не решала никаких проблем. Бегство из реальности в придуманный Соней мир очень скоро станет достоянием если не общечеловечности, то уж семьи наверняка.

В неверном свете луны между фруктовыми деревьями замаячили знакомые очертания белой виллы, и Соня вздрогнула в беспокойном сне и уронила голову Илье на плечо.

Много лет назад на этой вилле он почти потерял ее. Злился, сходил с ума, пока не убедился, что ничего так не желает, как обладать этой женщиной. И тогда приложил все силы, чтобы заполучить ее обратно. Но теперь он не был до конца уверен, что пришло время выйти в отставку и удалиться от дел в угоду ее капризу. Чем он будет занимать себя день за днем без привычной гонки в переговорах, телефонных звонках, совещаниях? Стареть за стаканом виски с газетой и котом на коленях? Следить за набегаящими на берег волнами из кресла-качалки? Строчить бессмысленные мемуары и душными ночами запускать заново сердце, растворяясь в ее объятиях?

Машина с мягким шуршанием подкатила к лестнице и замерла. Илья вдохнул запах духов, исходящий от Сониных волос, и позвал ее по имени. Соня подняла отрешенное лицо и улыбнулась, встретившись с ним глазами. Ее умение просыпаться с улыбкой наполняло каждое его утро теплом и надеждой.

Горничная-итальянка, за годы работы на вилле так и не освоившая ни слова по-русски и коверкающая десяток английских фраз, подала ужин в столовую. Илья скользил рассеянным взглядом по углам зала и без аппетита жевал кусок чуть теплого рулета из баранины.

– Илюша, ты ведь не жалеешь о том, что случилось? – Соня словно проникала в самую суть его сомнений. – Ты уверен в нашем будущем? – уточнила она дрогнувшим голосом, обеспокоенная повисшей тишиной.

Придумывать отговорки у него не было сил. Как не хотелось и вступать в обсуждение, которое могло закончиться штатными слезами или скандалом.

– Я не знаю, чем все закончится. – Он нахмурился неутешительным мыслям. – И не вижу впереди...

– Я понимаю, как тебе трудно. – Повзрослевшая Соня не стала придирается к словам, искать в них тайный смысл, и он взглянул на нее с настороженной благодарностью. – Ты привык планировать жизнь по минутам, но если вдруг у нас не получится... Если ты не сможешь жить, как хотелось бы мне... Это ведь мои мечты, а не твои.

– Очень много слов, – проворчал он, недоумевая.

– Я не стану удерживать тебя.

– Я не понимаю, Софья. От чего удерживать?

– Мы переедем в Европу, в любой город, который ты выберешь, – зачастила она срывающимся голосом. – Ты вернешься в бизнес, а я просто буду рядом. Я только одного прошу – быть рядом. Но если ты решишь, что все было ошибкой...

Он отодвинулся от стола, и она бросилась к нему на колени, как обиженный ребенок, обвила руками, уткнулась носом в шею. Илья с нежностью погрузил пальцы в ее непослушные волосы.

– Я не отпущу тебя и никому не отдам, – строго заключил он и наклонил ее голову к своему плечу.

Соня крепче прижалась к нему, и по прерывистому дыханию Илья догадался, что она собралась расплакаться в сотый раз за день.

– И я не совершаю ошибок! – Он усмехнулся, стараясь подбодрить потерявшуюся в сомнениях женщину, разжал обнимающие руки и промокнул салфеткой первую слезинку, скатившуюся по ее щеке. – Пойдем наверх, сегодня был трудный день.

– Трудный, – всхлипнув, подтвердила его девочка, и грустно улыбнулась. – Но когда с тобой было легко?

Утро «в южной эмиграции», как определил их новую жизнь Илья, должно было стать невесомым и беспечным, как морской бриз, – и почему-то не стало. Он с трудом всплыл на поверхность из тревожного сна и поморщился от щемящей боли в груди, поискал удобное положение на подушке и прислушался к раскачавшемуся, как маятник, сердцу. Таблетки были на тумбочке, только протяни руку. Но Соня уютно прижалась к нему и изредка постанывала во сне. За окном в облаках солнце играло в прятки, и мягкие тени поглаживали ее висок.

Он знал, что таким теперь будет каждое пробуждение – с ней вдвоем, вдали от суеты. Он сможет смотреть на ее умиротворенное лицо, заниматься с ней любовью в их спальне на далеком острове, и так пройдут годы и годы, пока смерть не разлучит их. Мысли о смерти, тем более неуместные сейчас, когда жизнь только началась, не позволили ему пойти дальше в привычных фантазиях. Вместо прикорнувшей к нему взрослой женщины он видел девичий профиль, который сводил его с ума от нежности, когда ей было шестнадцать.

В его фантазиях она осталась юной девушкой, вернувшейся с выпускного. Маленькой девочкой, которую он любил в память о матери и о годах, что были отняты ее безвременной смертью. В память о не простившем отце, о своей трудной молодости, об одержимости работой. Обо всем, к чему он стремился и что добровольно оставил ради любимой женщины.

В постоянной гонке двух десятилетий он почти не брал выходных, не находил времени остановиться и оглянуться назад. Соня стала его мостиком в давно разрушенную жизнь, где сам он был молод, и Роза еще не изменяла ему, и трое их детей были симпатичными малышами и уютно звали его папой. Он знал, почему любил Соню больше всех, но не мог вспомнить день, когда отцовская любовь переросла в болезненную страсть, в желание обладать и держать при себе. И только сейчас, в комнате с полузашторенными окнами, на подушке, где покоилась ее голова в ореоле растрепанных волос, он снова нашел маленькую девочку, о которой надо было заботиться.

– Соня?

Она приоткрыла глаза, опущенные длинными ресницами и полные прерванных снов, и у него опять заняло успокоившееся сердце.

– Почему ты не спишь, Илюша? – Она подалась к нему разгоряченным телом, тронула губами щетину на его щеке, но ответа не дождалась. – А мне снилась какая-то бессмыслица. Школа или санаторий. И я жду у окна, что за мной приедут родители. За всеми приезжают, а я одна... Я жду, но никто не идет, и мне хочется плакать.

– Я с тобой.

Он погладил ее по плечу, стараясь минимизировать движения, и ничего не подозревающая Соня расслабилась и приподнялась на локте, чтобы поцеловать.

– Я слышала, как ты зовешь меня и не заплакала.

Преодолевая боль, он перевернулся на бок, чтобы видеть ее счастливое беззаботное лицо. С минуту они просто смотрели друг другу в глаза.

– Почему я не могу поверить, что ты со мной, Соня? – шепотом спросил Илья. – Что я нужен тебе настоящий, а не придуманный?

– Я не знаю... – Она растерялась и заморгала, как ребенок за секунду до слез. – Как я могу доказать тебе свою любовь?

– Дело не в доказательствах, Соня. Я хочу разобраться.

– Не в чем разбираться, родной! – Она справилась с грустью и озарила комнату улыбкой, и он в сотысячный раз подивился ее способности с легкостью переходить из одного состояния в другое. – Я счастлива, и если ты хочешь...

– Ты помнишь нас двадцать лет назад?

– Вот ты о чем... – Вкрадчивые нотки в ее голосе осыпались на подушку увядшими лепестками. – Я помню, что ты любил меня больше собственных детей. И у меня в целом свете не было никого дороже тебя. Я бы и сейчас отдала все, чтобы вернуть те безоблачные годы. Ты понимаешь? – Он кивнул, проглотив подступивший к горлу ком, и Соня пальцем опасливо потрогала колючую щетину на его подбородке. – Но то, что ты мужчина, а я женщина, всегда было выше нас. Эта связь... – Она запнулась, когда он нахмурился, и поправилась: – Наша близость – это все, что мне нужно. Двое, которые однажды встретились, приносят в отношения каждый свое прошлое, а у нас оно всегда было общим. В нем мы не были любовниками, но любили друг друга, просто по-другому. И теперь, когда все изменилось, иногда мне так не хватает моего папочки...

Илья прижал ее к груди, чтобы скрыть предательские слезы, и впервые за годы это объятие не вызвало в нем желания. Лишь потребность защитить, согреть, спрятать от всех.

«Девочка моя, маленькая моя...» – мысленно твердил он слова, которые на много лет были отодвинуты собственническим «хочу тебя», но вслух сказал только:

– Разве кто-то, кроме нас, сможет такое понять.

– Пусть, пусть! – в запале выкрикнула Соня. – Нам ни до кого нет дела.

Он и хотел бы разделить ее уверенность, но опыт подсказывал, что это только часть правды. Они оглядывались на других всегда, стремились завоевать чью-то любовь и признание, владеть умами и сердцами. Но сейчас в объятиях ребенка, не женщины, он хотел верить, что внешний мир никогда не вмешается и не разлучит их.

– Столько лет прошло, а я так и не понял, был ли у нас другой путь.

– Не было, потому что я не смогла бы отказаться от тебя!

«Мне бы твою уверенность», – со вздохом подумал Илья и разомкнул руки. Они остались лежать рядом, едва касаясь друг друга, и Соня вспоминала, сколько натворила за эти годы, переходя от одного мужчины к другому и желая быть только с ним одним, а Илья, уставший копаться в себе, решил, что пора принять душ, позавтракать и позвонить в Москву. Пусть Роза никогда не была идеальной женой, но и он не стремился стать образцовым мужем. Они прожили долгую и, в конечном счете, достойную жизнь. Меняться уже было поздно, но, не будь Сони, они бы так и состарились вместе, ругаясь, изменяя друг другу, накапливая обиды и прощая по мере сил. А теперь Розе придется смириться с фактом, что он променял ее на женщину, которую полюбил.

Спустя несколько минут дышать стало легче, и, словно почувствовав в нем перемену, Соня нашла его руку и вложила пальцы в горячую ладонь.

– Пойдем в ванну?

– Невероятно, Сонька, – усмехнулся он. – Ты читаешь мои мысли?

– Велика заслуга читать такие примитивные мысли!

– Выпороть бы тебя за непочтение к старшим.

– Ты безнадежно опоздал с воспитанием, Daddy¹.

– Не будь так уверена, негодница.

Она задиристо рассмеялась и выскользнула из-под одеяла, не дав ему шанса осуществить шутливую угрозу.

– Я сейчас налью ванну, не спеши пока вставать.

Щетка для волос застревала в пружинящих локонах, и Соня дергала и тянула ее вниз, недовольно наклоняя голову. В детстве она заплетала косы на ночь, а по утрам ныла, как ей тяжело день за днем носить эту копну, и просила постричь ее, как стриглись все девочки в школе. Но он не позволял Розе пойти на поводу у капризной девчонки. Когда же она повзрослела, роскошная темная грива, отливающая на солнце красным золотом, волновала его не меньше, чем ее узкие лодыжки или округлившаяся грудь. Заметившая, как часто он наблюдает за ней, Соня быстро научилась пользоваться волосами, как оружием соблазнения, подолгу расчесывала длинные пряди и заглядывала ему прямо в глаза, когда он заходил в комнату пожелать ей спокойной ночи. Вот и сейчас она поймала его взгляд в зеркале, и ее движения стали тягучими, как расплавленный шоколад, а на губах появилась понимающая улыбка.

– Тебе всегда нравилось смотреть, Илюша.

– Ты и со стрижкой была ничего, – нарочно возразил он, чтобы подразнить ее.

– Хочешь, я вернусь в постель?

Она скрутила волосы в хитрый узел, воткнула в него большую заколку и обернулась.

– Отправляйся в ванную, – сердито буркнул он, скрывая за строгостью довольную улыбку. – Пока ты хоть что-то соберешься сделать, вечность закончится.

– Вечность не может закончиться, она длится и длится.

– Пока она будет длиться, а ты болтать, я сдохну с голоду.

– Какой же ты дикарь!

Соня придала лицу выражение оскорбленной невинности, пожала плечами и прошествовала в ванную, оставив его в размышлениях о предстоящем разговоре с женой. Вскоре он погрузился в воду, раскинув руки по бортикам джакузи, а она уютно примостилась рядом. Настолько близко, чтобы можно было дотронуться до нее в любой момент и, однако же, на том деликатном расстоянии, которое позволяет оставить неприкосновенным личное пространство.

Тысячи пузырьков вскипали вокруг, солнечный луч неторопливо ощупывал причудливый рисунок плитки, и не хотелось ни говорить, ни двигаться.

– Как скоро, по-твоему, я стану старой и непривлекательной?

Он лениво повернул голову, и она всмотрелась в его глаза, как в зеркало, пытаясь разглядеть свое отражение в радужке.

Женщина. Существо загадочное и легкомысленное. Истина, космос, законы мироздания не занимают ее ум. Все ее тревоги – о преходящей и зыбкой красоте, за которую, может, и стоит побороться в косметическом салоне, но уж точно не стоило умирать, подобно данайцам у стен Трои.

– Никогда! – отрезал он, с неохотой выходя из блаженного оцепенения.

– Ты лжец! – Она осталась довольна этим обманом и переместилась ближе под водой. – Так не бывает.

– Правда в том, что я не увижу твоей старости. А теперь помолчи и не мешай мне отдыхать.

– Сначала ответь.

За что бог послал ему это упрямое создание, которое болтает без умолку, когда надо слушать тишину, без зазрения совести наслаждается своим нарциссизмом и втягивает его в пустые споры?

---

¹ Папочка (англ.)

– Не могу, – теряя терпение, повторил Илья. – Для меня ты всегда будешь красивой.

– Теперь ты льстишь, а я просила правду! – Соня перевернулась в воде, подняв со дна мириады сияющих пузырьков, поправила заколку, подобрав высвободившиеся пряди и смешила тему. – Я часто мечтала о нас, но никогда не думала, что будет так.

– Как?

Он с усилием поднял тяжелые веки, не желая никаких разговоров и мечтая посидеть в безмолвии и умиротворении.

– Вот так, – прошептала она и коснулась нежнейшим поцелуем его плеча, тронула губами мочку уха, провела осторожным пальцем по твердому подбородку и вздохнула так, что у него перехватило дыхание.

– Соня, мы же договорились!

«Чертовка! Эдак она не даст мне соскучиться. А таблетка только начала действовать, и, вроде, отпускает...» Ему ничего не оставалось, как смотреть на нее, пока она гладила мокрыми пальцами виски и что-то шептала одними губами, но он не мог разобрать ни слова. Он знал ее такой давно, но сейчас словно видел заново, рассматривая каждую черточку, никуда не торопясь и ни о чем не волнуясь. В конце концов, она все-таки заставила его ответить на поцелуй, и он едва не поддался искушению.

– Ты такой... – восхищенно заворковала вполголоса влюбленная женщина, сверкая потемневшими глазами. – Такой великолепный.

Он не раз слышал от женщин эти слова, и почти верил, когда это говорила Соня. И все же он был достаточно умен, чтобы не обольщаться на этот счет. Потерявшие упругость мышцы, стареющая кожа, второй подбородок, глубокие складки возле рта, поперечные морщины на лбу и редящие волосы давно не обманывали его в зеркалах. Она видит все еще могущественного, но неотступно дряхлеющего льва, которому жизнь позволила выбрать, каким жить, но не спросила, когда он хочет умереть. А он хотел уйти до немощи, до сожаления в глазах, знавших его непобедимым, до брезгливой жалости на ее выразительном лице.

– Тут становится жарко, – сухо заметил он, стряхивая наваждение ее неотступного взгляда. – Чертово солнце печет даже утром.

– Я сейчас.

Она поднялась во весь рост, окатив его шипящей волной.

– Никакого стыда в тебе, Сонька.

Женщина обернулась с лицом новорожденной нимфы, слегка встряхнулась, как молодой пес, и спустилась по ступенькам на пол, оставляя на полу лужицы воды.

Едва она вышла, он придиричиво ощупал свое лицо. Так и есть, он серьезно сдал за последние несколько лет. Сегодня ему уже далеко не сорок три, а ей не семнадцать. Хотя она и сумела сохранить тело девушки, которую он возжелел тогда. И пока он сам отдавал дань времени и умиранию плоти, день за днем почти без боя теряя себя в зеркале, она расцветала, набираясь сил, как юное деревце под животворящими лучами. Впрочем, его руки оставались могучими во всех смыслах, и он мог бы без особого труда свернуть шею этому фигляру из красного джипа, не знающему, что пожелав чужое, он подписал себе приговор. А вот пальцы по утрам стали неподатливыми, и приходилось долго разминать их, возвращая к подвижности, и потускневшее обручальное кольцо было уже не снять, и эти предательские пятнышки на коже... Он перевернул руки ладонями вверх. Линия жизни была длинной, безапелляционной и почти упиралась в широкое запястье. Значит, жить ему долго. Жить, обнимать ее, замечать, как увядает ее красота, и как она плачет, с обидой и болью глядя в беспристрастные зеркала.

Соня вернулась с двумя стаканами в руках и прервала его пасмурные размышления. Он следил, прищурившись, как она вступает в воду, как скрываются в кипящих пузырьках тонкие лодыжки, изящные колени...

– Перестань пялиться на меня, как на наложницу.

– Хочу и пялюсь, – в тон ей грубовато ответил Илья, принимая высокий стакан дымчатого стекла. – Это цикута?

– Пока только лимонад. Мария готовит мне его по вечерам, потому что утром я страшно хочу пить.

Илья сделал большой глоток, сморщился и поискал глазами, куда бы пристроить эту гадость.

– Жуткая кислятина!

Соня опорожнила залпом свой стакан, отобрала у него недопитый лимонад и поставила на бортик.

– Если мучает жажда, то лучше всего пить кислое.

– Ты еще будешь учить меня пить! – повысив голос, Илья обхватил ее за талию и привлек к себе.

– Почему бы и нет? У меня тоже есть чему поучиться!

Она рассмеялась, заиграла золотистыми переливами голоса и стремительно поцеловала, и на этот раз вкус лайма вовсе не показался ему отвратительным.

– На чем мы остановились? – с придыханием спросила она и облизнула губы.

– На том, что я великолепен...

В его голосе послышалась неприкрытая ирония, и Соня неодобрительно покачала головой, отгоняя его желчные мысли.

– Ты не просто великолепен... И я готова доказать тебе это прямо сейчас.

Она тряхнула выбившимися черными прядями и в ее глазах заплясали коварные чертики. А он подумал, что если таблетка уже подействовала, то стоит только потянуть ее на себя... Но при мысли, что можно взять ее прямо здесь, как Венеру в пенном прибое, сердце предательски засбоило, и он вытолкнул ее руку на поверхность и строго покачал головой, отказавшись от своего желания.

– Я не хочу, Соня.

Она вопросительно приподняла бровь, подозревая, что он лжет, но объяснений не последовало.

– Со мной что-то не так?

– С тобой всегда все так. Просто не сейчас и не здесь.

– Как скажешь.

Соня на удивление легко смирилась и принялась рассматривать свою руку с обручальным кольцом, покачивающуюся на поверхности воды. Минуты шли одна за другой, и он, наконец, позволил себе расслабиться и даже попытался задремать, пока она снова не нарушила тишину.

– О чем ты думаешь, милый?

– Ни о чем конкретном, – процедил он сквозь зубы, еще надеясь, что можно не открывать глаза и плыть по невидимому течению, не выдергивая из потока времени мысли и ощущения.

Она вздохнула, обиженная отговоркой и не желающая понять, что он почти не погрешил против истины, наслаждаясь водой, спокойствием и ее присутствием. Но даже с закрытыми глазами Илья почти физически ощущал, что она неотступно следит за ним и вот-вот заговорит.

– Если бы ты родился два-три тысячелетия назад, когда не было заводов и банков, что бы ты делал?

– Ну ты даешь! – Он распахнул глаза и увидел застывший вопрос меж ее приподнятых бровей. – Что тебе в голову лезет?

– Хотел бы ты родиться в Древней Греции, например? – не сдавалась упрямица.

– Если бы пришел архангел и спросил: а что, уважаемый, не хотите ли прогуляться по Древней Греции?

– Илья!

– Хорошо, я отвечу. А ты отстанешь от меня со своим психоанализом? – Она кивнула, но он не поверил в такую покладистость. – Нет, я бы не хотел родиться в Греции, в Африке или хрен его знает где еще. Но если бы пришлось, то ушел бы на войну. Они же там воевали вроде?

– О, ты бы выиграл любую войну!

– Или пал в бою смертью храбрых.

Она, вскинув глаза к раскрытому за его спиной окну, пропустила издевку мимо ушей.

– И покрыл бы себя неувядаемой славой!

– Врагам я бы легко не дался, это точно, – со знанием дела подтвердил он. – Ну, теперь твоя душенька довольна?

Она задержала на нем полный обожания взгляд и ничего не ответила, увлеченная выдуманным воином, облаченным в короткую тунику или латы, со щитом, на коне или в колеснице. Черт ее знает, какой образ втемяшился в ее прекрасную, полную фантазиями и всякой книжной ересью голову. Злиться на нее было нелепо, как и желать тишины и покоя, когда она находилась рядом со своими выдумками о неведомых мирах и иных измерениях.

– Теперь ясно, почему ты все время был в окружении этих...

– Кого? – на этот раз не сдержал улыбку он, без труда догадавшись, куда она клонит.

– Этих женщин, ты знаешь... – Она окончательно вернулась из античности, из толпы боевых подруг, радостными возгласами встречающих героев сражений и войн, капризно сморщилась и поджала губы. – Ты всю жизнь в окружении баб, сколько я тебя помню.

– Когда это ты видела? Ну, может, пару раз.

– Я много чего повидала, о многом слышала и еще о большем догадывалась.

– Да ты ревнуешь, дурочка? – Ему было лестна обида в ее голосе, и он потянулся обнять женщину, но Соня в раздражении дернула плечом, словно отгоняла навязчивую муху. – Сейчас-то какой в этом смысл? Из бабского сословия здесь только твоя итальянка, которая ни на каком языке не разумеет, кроме своего тарабарского.

– Как будто это тебе когда-то мешало. Только попробуй посмотреть в ее сторону!

– Раньше не мешало, – согласился Илья, и лукавые морщинки разбежались к вискам. – И что ты сделаешь, если посмотрю?

– Я столкну ее со скалы, а тебя прикую к кровати!

– Точно ты меня, а не я тебя? Ты ничего не перепутала, Сонька?

– Или ты меня... – Она внезапно растаяла, и ее зрачки заволокло опасным туманом. – Теперь никаких женщин, кроме меня! Ни женщин, ни детей!

– А дети-то мои тебе чем помешали?

Он нежился в обманчивом океане любви и ревности и смеялся в голос, погружая пальцы в ее волосы и почти убедив себя, что готов остаться с ней одной.

– Я больше не потерплю никаких конкурентов. Ты теперь только мой!

– С каких пор ты стала такой собственницей?

Он легонько ударил ладонью по воде, подняв фонтан брызг, и Соня подалась в сторону, едва не потеряв заколку, перехватила падающие в воду пряди, снова заколола их, пока он любовался закинутыми за голову руками и подвижной линией груди. Под его откровенным взглядом она сменила гнев на милость и тоже рассмеялась. Тонкая золотая цепочка вздрогнула и заиграла гранями на ее ключицах. И тогда он решил, что пришло время для откровенности.

– Ты и не знаешь всех-то.

– Что ты сказал?

Вмиг из состояния блаженной расслабленности она перешла к сосредоточенности хищника перед прыжком.

– Ты не знаешь обо всех детях, – спокойно повторил он, тоже перестав смеяться, хотя глаза все еще улыбались. – Да и я, наверное, тоже.

– Что за шутки, Илья! Ты никогда не говорил...

– Повода не было, – хмыкнул он и притянул ее к себе за плечо. – Можешь спросить сейчас, если интересно.

Она колебалась, то ли решая, стоит ли спрашивать вообще, то ли определяясь, какой вопрос задать. Он мысленно подготовился ко всему.

– Сколько их? – выдохнула Соня и затаила дыхание.

– Трое, – без колебаний ответил Илья, но через пару секунд уточнил. – А может, четверо. Скорее всего.

– Это ты придумал сейчас, чтобы подразнить меня?

– Зачем? – удивился он. – Три дочери, помимо Марины. Мое отцовство подтверждено генетическими тестами.

– И Роза в курсе?

– Нет. Только ты.

– Но это же черт знает что такое! – Соня потерла наморщенный лоб и зажмурилась, как будто хотела отогнать наваждение. – У тебя три дочери. И мальчик?

– Теста нет, но его мать еще до родов получила от меня солидное содержание и отправилась осваивать то ли Новую Зеландию, то ли Австралию. С мужем, – пояснил Илья, глядя в широко распахнутые глаза сестры. – Оттуда она прислала короткую записку, что родился Михаэль.

– И ты уверен, что ее муж не отец ребенка?

– Муж образовался позже как решение проблемы безотцовщины. Но какое это имеет значение? Пацан растет в благополучной стране с мамой и папой. Он обеспечен до конца жизни. Моя совесть чиста.

– А дочери? У них одна мать?

– С ума ты сошла, фантазерка! – Илья расхохотался, и она почти возненавидела его за этот самодовольный смех. – Ты меня не знаешь, что ли? Двое в Пензе, один на Камчатке, как положено.

– Ты наплодил детей по всему миру, – с обидой начала она, раздувая ноздри, как породастая кобылка. – Ты жил с Розой, клялся, что любишь меня, и позволил этим детям родиться. Зато чуть не проклял меня из-за Беллы. А ведь она могла бы быть твоей дочерью.

– Она не могла, – отрезал он, помрачнев, и хмуро взглянул на свое отражение в зыбкой воде, как будто искал поддержки.

– Это еще почему?

– Я бы не позволил тебе забеременеть.

– А другим за что такая милость?

– До других мне нет дела. – Соня скептически фыркнула, и Илья ухватил ее за запястье, то ли чтобы утешить, то ли чтобы не дать сбежать. – Хотели рожать – рожали. Хотели избавиться – делали аборт. Денег на содержание детей получили все, кто попросил.

– Ты рассуждаешь так, словно они клубные щенки, и надо было выписать им родословные!

– Они всего лишь дети, – отрезал он с неподдельным равнодушием альфа-самца. – Я не планировал появление на свет новых наследников. Их матери сами выбрали, как поступить. Кто-то выбрал свободное плавание, кто-то решил родить. Я сделал все, чтобы избежать скандалов, и после родов обеспечил каждую, чтобы дети ни в чем не нуждались.

– Но если бы я родила от тебя...

Снова этот задумчивый взгляд и попытки перекроить уже давно сотканное полотно их жизни. Он не собирался придумывать себе другую судьбу. В прошлом у нее был муж, и от любовника родилась Белла – дитя адюльтера. Был еще один любовник, чуть не ставший новым мужем, а ей все грезилась школьница в объятиях папочки. Он промолчал, не желая

вступать в старый спор. Связь с сестрой – это одно, но рождение детей от этой связи – это было бы уже сверх всякой меры.

– Девочки носят твоё имя? – продолжила свой допрос Соня, благоразумно оставив тему совместных детей.

– Нет, условие было жестким: деньги в обмен на имя.

– И сколько им теперь?

– Младшей, кажется, шесть.

Он уклонился от подробностей, но ей и не требовалось знать все о каждом ребенке. Довольно и того, что еще каких-то семь лет назад он спал с женщинами, и они рожали ему детей, а она билась за каждую минуту встречи и всякий раз проигрывала.

– Ты любишь их?

– Это просто чужие дети, – повторил он и провел ладонью по ее спине сверху вниз. – И больше я не желаю говорить о них. Никогда.

– Они не просто дети, они твои. Девочки растут без отца, и это несправедливо так же, как я росла без матери.

– Я трахал их матерей, только и всего, – нехотя напомнил он и снова раскинул руки по бортикам джакузи, отгородившись от Сони глухой стеной непонимания. – Поздно уже устраивать мне выволочку.

Соня закусил губу и сощурилась, словно пыталась представить себе эти картины одну за другой: четыре женщины, четыре постели.

– Ты ужасный человек, Илья Билецкий! – Она негодуя сгребла в горсть облако поднявшихся пузырьков и отшвырнула их от себя. – Тебя не волнуют ни мужчины, ни женщины, ни дети. У тебя есть чувства, но они какие-то странные, однобокие...

– Не стоит, Софья.

Илья всмотрелся в ее отстраненное лицо, опасаясь, что сейчас она случайно или сознательно скажет нечто, что изменит их и без того сложные отношения. Она была не первая, кто совершал ошибку и пытался научить его быть хорошим и нравственным человеком.

– И если бы я не знала, что это всего лишь удачно подогнанная маска, я бы давно ушла. Но ты не такой... Ты просто никому не позволяешь увидеть себя настоящего.

Спасибо, что она не читала ему нотаций. Даже в трудные минуты непонимания она оставалась любящей женщиной, которую он увел у нахального соперника прямо из-под венца. Единственной женщиной, созданной специально для него.

– И ты убеждена, что знаешь меня? – с облегчением спросил он.

– Я знаю тебя, как никто.

– Ты невообразимое создание, Сонька!

Ее все время сносило в какие-то немыслимые выдумки, а он не умел сочинять мир, который никогда не существовал. Он не жил выдумками и сожалениями о несвершенном. Она согласно кивнула, пропуская воду между пальцами и не отрывая глаз от серебристой ряби.

– Сколько раз я еще пожалею, что связался с тобой... – Женщина озадаченно подняла голову, и он ухмыльнулся довольный, что вывел ее из оцепенения. – Что так поздно связался.

И пылко поцеловал подставленные губы, удерживая ее голову в ладонях, как драгоценную чашу. Она словно ждала этого сигнала. Скользнула под водой вдоль его бока сговорчивым гибким телом, обвила руками шею, прижалась грудью, надеясь соблазнить, увести прочь из прошлого. Он сразу разгадал ее коварный замысел и оторвал от себя обнимающие руки, задержав их в своих.

– Остановись.

– Почему ты рассказал это сегодня?

Она перестала ластиться и снова вернула их в непростой разговор.

– Может, я хочу наконец-то побыть собой. Или не быть собой, – в странной задумчивости произнес он, размышляя, не совершил ли ошибку, раскрыв ей подробности, о которых не знал почти никто.

Соня удивилась такому туманному ответу, нахмурила брови, и Илья пальцами разгладил морщинку на ее лбу. В который раз за несколько минут они переходили от отчуждения к откровенности и обратно.

– Ты не поймешь.

– А ты не станешь объяснять?

– Нет.

– Ладно... – Ему послышалось в ее голосе скрытая угроза. – Тогда займись со мной любовью.

Он покачал головой.

– Остынь, Соня! Надо спуститься к завтраку. Провести весь день голодной в постели и в ванной – это слишком эксцентрично даже для тебя.

– Я не голодна, – почти зло сказала она и не стала стирать слезинку, побежавшую по щеке.

– Еще как голодна, – понимающе подмигнул Илья. – Однако ты меня не соблазнишь.

– Ты рассказываешь мне о своих детях, как о чем-то само собой разумеющемся! – Она вдруг ни с того, ни с сего разозлилась и повысила голос. – Или ты дразнишь меня?

– Уж не думаешь ли ты, что силой заставишь меня забыть о других женщинах?

– Можешь не сомневаться!

– Поживем – увидим, – снисходительно хмыкнул он и прислушался к своему сердцу, которое на этот раз не подвело, равномерно отсчитывая удары. – Если сделаешь то, что собиралась несколько минут назад.

Соня вытерла тыльной стороной ладони глаза, знакомым жестом отпустила на свободу волосы и, изобразив во взгляде трагическую покорность судьбе, вздохнула. Он увидел, как черные локоны рассыпались по ее плечам шелковым покрывалом и заколыхались на поверхности воды, и прикрыл тяжелые веки. Разговоров сегодняшним утром было больше, чем нужно. Теперь ему особенно остро хотелось тишины, прохладного шуршания пузырьков и ее близости, слишком желанной, чтобы умереть, не позволив себе всего, и такой же неправдоподобной, как зыбкий мираж в пустыне, когда вот-вот очнешься, а вожаденный колодец занесен песком, и жажда сводит с ума, посылая новые миражи.

Глава 1. Брачные обеты

Илья до позднего вечера так и не позвонил жене и не включил телефон, а ночью все в мире, кроме самой ночи, становилось не важно. Телефон лежал забытый на тумбочке в изголовье кровати, а они вдвоем сидели в саду и молчали, глядя на ту точку на горизонте, где красный диск провалился в море и исчез, оставив на берегу лишь прожекторы на пирсе да свет в окнах первого этажа. Ему хотелось согреть в ладонях хорошую порцию коньяка, но сердце весь день пошаливало, и провоцировать его не было никакого резона. Беззаботный ветерок играл подолом ее светлой юбки, которая колыхалась, как парус на лодке, и Соня изредка приглаживала ее, глядя в темноту. Илья развалился в кресле и с непривычным для себя умиротворением после ленивого дня подмечал разные мелочи по старой привычке видеть вокруг себя все. Закатившийся в море солнечный диск, торопливые взмахи крыльев запоздалой птицы и Сонины рука на подлокотнике, поигрывающая тонкой веточкой с острым листиком на конце, оставляли такой четкий след на сетчатке, что он, по здравом размышлении, начал подозревать неладное. Казалось, в голове щелкал затвор фотоаппарата, и картинки одна за другой складывались в невидимое хранилище. Для кого? Для чего?

– Мне начинает казаться, что я люблю отдыхать.

Илья первым нарушил затянувшееся молчание и обернулся к сестре, словно ждал от нее единственно верного ответа.

– Я уверена, что любишь, – проворковала она, укрытая сумерками, и он на слух различил размытую во тьме улыбку. – Стоило попробовать раньше.

– Всему свое время.

– Конечно, родной. Я так благодарна, что ты купил мне эту виллу. Мне здесь хорошо.

– Тут спокойно, – подумав, согласился Илья и отогнал воспоминания о неудавшейся ночи в горах.

– Потому что я рядом, – напомнила она. – И тебе не надо беспокоиться, где я и с кем.

– Пожалуй. – Он усмехнулся ее шутливой проницательности. – Оказалось, что думать о тебе – самый тяжелый труд.

– Думать обо мне? Или стараться не думать обо мне?

– Не преувеличивай свою значимость, Сонька! Я не какой-нибудь озабоченный подросток.

– Ты ужасно озабоченный владелец заводов, газет и пароходов! Самый озабоченный, какого я знаю.

Теперь она откровенно смеялась, и это было несколько не обидно и даже приятно, что она думает о нем в таком ключе.

– Помимо наших отношений у меня были и еще кое-какие обязанности, девочка. На случай, если ты не в курсе.

– Откуда мне знать о твоих скучных обязанностях, *meine Liebe*². – Она потянулась в своем кресле, и ему захотелось взять ее на колени и приласкать. – Со мной ты о делах не говоришь.

– А ты хочешь поболтать о работе? Об акциях, слияниях, годовой отчетности?

– Теперь это все уже не имеет значения, дела закончились. Осталась только я.

– Ну, может, и не все... Сейчас на западе модно отдавать большую часть своих доходов в благотворительные фонды.

– Да, мне как-то попала такая информация. Я удивилась, когда прочитала о Гейтсе.

– Мы тоже можем создать какой-нибудь фонд.

---

² Любовь моя (нем.)

– Недели не прошло, а уже решаешь, чем занять себя! – фыркнула Соня. – Думаешь, они оценят?

– Те, для кого фонд?

– Те, кто будет об этом писать и читать.

– Какое нам дело до борзописцев! Пусть строчат свои статейки. А мы будем помогать детям и старикам.

– Ой, что-то с трудом мне верится, что тебя волнуют дети и старики! – рассмеялась она.

– Но тебя-то они волнуют наверняка. Поэтому с меня деньги, а эффектная деятельность на благо народа – твоя. Будешь ездить по странам и городам, как принцесса Диана. – Он почувствовал на себе ее взгляд и поспешил добавить: – Только без этих ее фокусов с любовником. Как тебе моя идея?

– Как всегда гениальна.

– Слишком грубая лесть, Соня. Хочешь что-то возразить?

– Нисколько. Давай откроем фонд, Илюша, или закопаем ценности на поле чудес в стране дураков, или будем разбрасывать акции с самолета. Я поддержу тебя в любом начинании.

– Потому что мы – семья? Неужели мне удалось вырастить тебя правильной девочкой?

– Потому что мы с тобой одна сатана, – возразила она и ласково прошлась по его запястью веточкой. – И вдвоем мы сильнее, чем поодиночке. Нас не просто вдвое больше, мы становимся лучше, когда объединяемся.

– Откуда ты это знаешь, Софья? Ты непринужденно жонглируешь такими фразами, а я не нахожу подходящих слов.

– Вот и не надо ничего говорить, милый. Пойдем спать. Тебе предстоит отоспаться за все прошедшие годы.

– И ты не будешь будить меня? Не станешь умолять о сексе, как будто год просидела на голодном пайке?

С ехидной ухмылкой он придвинул кресло к сестре, и она отпустила веточку и накрыла его руку своей.

– Если только ты сам попросишь.

– Сегодня не попрошу.

– И не будешь ждать от меня инициативы?

– Нет.

– Значит, я обниму тебя, как боевая подруга, и мы уснем, – пожала плечами Соня, не задавая лишних вопросов. – А завтра будет новый день, и солнце в окна, и я буду целовать тебя до умопомрачения.

– Ты уже и так умом помрачилась, когда решила назло мне выйти замуж. Я еле успел умыкнуть тебя из-под венца.

– До помрачения еще очень далеко, поверь мне. Вот когда ты все-таки соберешься жениться на мне...

– А мы не можем обойтись без формальностей? Я ведь уехал с тобой, как обещал.

– Не можем! Я хочу привязать тебя навсегда и носить твою фамилию. В статусе жены, а не дочери.

– Думаешь, можно привязать меня еще крепче?

– Думаю, что стоит попробовать.

Она встала, вытянулась всем телом вверх, как большая кошка разминает лапы на стволе дерева, и попыталась вытащить его из кресла.

– Ты за весь день подошла к ребенку только дважды, – неожиданно вспомнил Илья. – Ты неважная мать для Беллы.

– Другой ей не досталось при раздаче родителей. – Соня пожала плечами без особых угрызений совести и усмехнулась. – Кстати, когда ты оформишь опеку?

– Зачем? У нее есть опекун.

– Уже нет. Коля написал отказ. А Белла должна быть нашим ребенком.

– Ты сама ребенок, – с родительской нежностью сказал он, уклоняясь от неудобной темы, но юридические сложности не слишком долго занимали ее ум.

– Уложи меня спать, а то у меня уже глаза слипаются, и я не могу думать ни о детях, ни о перспективах нашей с тобой жизни. Просто хочу уснуть с тобой рядом и проснуться.

Он заставил себя подняться, ощущая непомерную усталость, как вещь-мешок новобранца на марше, и повел ее под руку к дому, оглядываясь на море.

– Оно никуда не денется до утра, – зевнула усталая Соня, поймав один из его взглядов. – Останется с нами и в нас.

– Что-то я не уверен, что именно этого мне хочется.

– Значит, мы сделаем так, как тебе захочется. Бросим море и уедем в горы. В джунгли, в пустыню, куда скажешь! И ты обещал мне замок в Швейцарии, а прошло уже лет двадцать...

– Родовой замок – не игрушка для безответственных девиц. Ты же еще и титул к нему захочешь. А что получу я за свои труды?

– А что бы ты хотел, мой господин?

– Все! – подумав, почти серьезно ответил он.

– Значит, все и получишь, – с нежностью согласилась она и прижалась виском к его плечу. – Но сначала мой замок с титулом не меньше герцогини!

– Нельзя разжаловать принцессу в какие-то герцогини, – менторским тоном произнес он и шлепнул ее ниже талии. – Пошевеливайся, ваше высочество! Спать пора!

Утром сердце снова побаливало, и было мучительно, но терпимо. Полежав с закрытыми глазами и выровняв дыхание, Илья слегка повеселел, но идти с Соней в ванную отказался наотрез. Она смеялась и называла его трусом, а он, вернувшийся мыслями к работе, которая никак не хотела его отпускать, почти не грубил, принимая и отражая ее веселые подачи.

От идеи рассказать Соне о ноющей боли в груди он отказался и сквозь полуопущенные веки наблюдал, как она беспечно радовалась хорошей погоде, вкусному завтраку, его непривычному безделью и, примеряя перед зеркалом наряды, болтала об английской литературе, в которой он не разбирался и прятал свое незнание под рассеянным «угу» и за шуршащей итальянской газетой трехдневной давности.

В конце концов, беспечная кокетка выбрала платье и, час от часу не легче, после завтрака потащила его на скалу любоваться красотами пейзажа. Всю дорогу он ворчал, как потревоженный в берлоге медведь, что для слияния с дикой природой не обязательно торчать два часа у зеркала, но она только смеялась и всматривалась в горизонт, будто далекий магнит притягивал ее стального цвета глаза. Забираться на самую верхотуру он отказался наотрез, памятуя давнее скалолазание на гору за юной Соней, и предпочел остаться на небольшом плато с ровной полоской тени, пока его спутница стремилась к облакам. Соня выпустила его неохотно разжавшуюся руку и с лицом зачарованной принцессы пошла по узкой крутой тропинке, огибающей каменный утес и уводящей в поднебесье.

– Будь осторожна!

Она рассеянно обернулась на звук его голоса, но не задержалась и продолжила путь вверх по каменному склону. Илья остался один, жмурясь от бьющего в глаза света, свободный от мыслей и желаний, как согретый мартовским солнцем старый кот, готовый забыть о кошках в угоду полуденной лени на оттаявшей крыше.

Соня окликнула его со скалы наверху, и он вздрогнул от звука ее голоса, размытого шумом ветра и рокотом резвящихся волн.

– До чего ты красива, Сонька! – невольно вырвалось у него. – Просто ослепительна!

– Что? – Она присматривалась к нему из-под руки, как заправский моряк. – Я ничего не вижу...

– Зато я вижу, – пробормотал он.

– Ну, Илья, говори же громче! – Она даже приотпнула от нетерпения. – Ветер такой сильный, что тебя не слышно!

Ему хотелось, чтобы она услышала, чтобы поняла, как прекрасна в его глазах, чтобы перестала думать о далеком дне, когда зеркало откроет ей другую, горькую правду, но кричать о ее красоте, перекрикивая природу, было глупо, и он промолчал.

– Почему так странно бывает, что когда плохо видно, то еще и не слышно?

– Слезай оттуда!

Мужчина задрал голову, ревнуя ее к высоте, к горячему воздуху и к свободе, которые в эту секунду владели ею безраздельно.

– Ты только взгляни, какой вид!

Соня указывала туда, где раскинулся заурядный морской пейзаж со всеми обязательными атрибутами: выцветшее небо вдаль сходилась с серебристо-синим морем, линия горизонта была прорисована неверными штрихами под туманной дымкой, белый парус, едва заметный в блеске водной глади, лениво парил рядом с фланирующими чайками. Ничем не примечательная картинка, которыми она умела восхищаться. Но он посмотрел не ради интереса, не ради того, чтобы угодить ей, а потому что вдруг ему захотелось запомнить именно этот день, и эту дымку, и этот заблудившийся в серо-голубых мазках парус. И вдруг оказалось, что вся неприятная Сонина романтика хороша именно потому, что она – Сонина.

– Слезай скорее, – повторил он и протянул к ней руку, желая получить ее обратно из объятий природы.

Соня нехотя посмотрела вниз и исчезла со скалы так же внезапно, как и появилась. Когда через минуту она возникла на тропинке, не перепрыгивая с уступа на уступ, как горная коза, а спокойно и неторопливо, как сходят с Олимпа бессмертные, он не смог сдержать вздох восхищения. Влажный и горячий ветер, словно нетерпеливый любовник, рвал с нее платье, и Илья снова почувствовал острый укол ревности ко всем, кто когда-то вот так же легко обнимал ее, пока он сам довольствовался только мечтами. Она вступила на плато и пошла к нему, поправила волосы, встретила с его взглядом и вопросительно приподняла брови. Он ждал ее с видом цезаря, принимающего подношения. Но Соня подошла слишком близко, чтобы просто начать разговор, и, неуволимо сменив облик неприступной богини на земной и узнаваемый, погладила его по щеке. Он смотрел ей прямо в глаза, сам не зная, что хотел в них увидеть. В ее черных зрачках застыли облака, мешая заглянуть вглубь. Илья нахмурился, стряхивая с себя наваждение, и она забеспокоилась, придвинулась еще ближе.

– Ты сердись, Илюша, или мне кажется?

Вместо ответа он взял ее голову в ладони и поцеловал, ощутив, как расслабилось ее тело. Она потянула его за собой в тень, словно только и ждала этого знака. Но едва ее спина коснулась прохладного камня, он оторвал от себя тонкие руки и решительно развернул ее лицом к скале. Ее тело послушно распласталось на камне гибкой ящерицей.

– Слушай меня внимательно, Соня, и не перебивай, – почти шепотом начал он, приблизив губы к ее уху, и в его тоне ей послышалась угроза. – Если там, куда я однажды уйду, есть другая жизнь, я тебя разыщу. Ты не скроешься от меня ни в море, ни в горах, ни в райских кущах, нигде.

– Мне больно, – выдохнула она, но он лишь сильнее вдавил ее в скалу. – Ты не можешь просто уйти...

– Слушай меня, потому что я не буду повторять дважды! – Он пренебрег ее пустой репликой и суровым тоном продолжил: – Когда меня не станет, ты найдешь другого мужчину.

– Как ты смеешь говорить это мне!..

– Ты найдешь! – Илья повысил голос, и она ощутила холодок, пробежавший между лопаток. – Но сначала будешь тщательно выбирать и выберешь того, кого я сам выбрал бы для тебя. Не какого-нибудь смазливового фраера с его дешевыми фокусами...

– Перестань говорить со мной о смерти!

Соня, не замечая жары, затряслась, как в ознобе. Утро так хорошо начиналось! И какая муха укусила его здесь, на скале!

– Помолчи, Софья!

Он исступленно стиснул ее запястье, и маленькая ладонь, обхватившая каменный выступ, разжалась, а обручальное кольцо, давно перекочевавшее с правой руки на левую, в ответ метнуло в него клинок света.

– Ты должна выбрать самого достойного. Потому что я не смогу оставить тебя одну, пока не буду уверен, что ты выполнишь мою волю.

– Я не слушаю тебя! – Она потрясла головой и зажмурилась. – Можешь говорить, что хочешь, я не слушаю.

Всю сознательную жизнь его отношения с людьми были сродни военным походам. Приказ, выступление, победа, награда, неповиновение, трибунал. Он не искал подходы, он преодолевал глупое и мелкое сопротивление слабых и недалководидных противников. Особенным упрямством отличались женщины, которые выкручивались, придумывали отговорки, лгали, лишь бы сделать по-своему, в пику мужчине, вопреки его воле.

Он ненавидел изматывающие дипломатические переговоры. Он покорял, завоевывал, брал в плен, добивался капитуляции и ставил на колени. И жаждал новых побед. И женщины вынуждены были подчиняться не физической силе, но воле, которая пугала и все равно заставляла приближаться к нему, как слетаются безмозглые бабочки к ночнику. На втором десятке случайных подруг он сбился со счета, на четвертом перестал считать. А они все стремились на огонь власти и блеск золота, которые сопутствовали ему с момента, как он решил, что достаточно силен, чтобы присоединить к своей личной территории новые земли, новые области, новые направления. И завоеванные женщины, будто поверженные города, послушно отдавались во власть его желания. А когда уходили, их место занимали другие. Так было всегда, невзирая на семейную жизнь и тайную страсть, сжигающую его к совсем юной девочке, растущей в его доме. Он был милостив и щедр с покорившимися, он даже забавлялся, позволяя им думать, что они могут манипулировать им, получая деньги, ценности, связи и возможности, тешась своими мелкими иллюзиями. Однажды взяв крепость, с боем или без, он мог вернуться в любой момент и не встречал сопротивления. Впрочем, возвращаться почти никогда не было нужды.

Но с Соней битва за обладание повторялась от раза к разу, стоило ему отлучиться, отвернуться, оставить ее без надзора. Возвращаясь к стенам этой крепости, он вновь объявлял осаду, шел на штурм, выдерживал последний бой, в котором обе стороны заранее знали, кто победитель, и получал награду... И не мог расслабиться ни на минуту.

Это была любовь-борьба, постоянная битва с женщиной за женщину. Мятежная крепость от века принадлежала ему и каждый раз не давалась легко. В ее арсенале были слезы, обиды, непонимание, обман, снова слезы, потом страсть, сводящая обоих с ума, в которой можно было бы плавить золото, брошенное к ее ногам. А потом внезапно, ниоткуда, как озарение, – нежность, преданные глаза, слова, которым он почему-то верил, которые лучше волшебного бальзама исцеляли его душевные раны, ласки нежнее шелка в краткие минуты перемирия перед новой битвой.

– Ты решила поспорить? – усмехнулся он, заранее зная сценарий. – Бесполезно, – разделяя слоги, напомнил он и коснулся губами ее шеи за ухом, на линии роста волос.

– Прекрати!

Она вздрогнула так явно, что он не смог сдержать самодовольной улыбки: крепость в очередной раз готовилась пасть.

– В этом мире твое существование без мужчины бессмысленно! – Он снова поцеловал ее и на этот раз задержался губами дольше, ощущая, как горячая волна одного желания на двоих затапливает их обоих. – Ты не научилась создавать уют в доме, не умеешь растить детей, не в состоянии справляться с трудностями. Ты витаешь в мечтах и рыдаешь, возвращаясь на землю к чуждой и враждебной действительности. Зато зеркала не лгут о твоей красоте и сексуальности, и единственное твое предназначение – быть женщиной для мужчины.

– По-твоему, я пустышка?

Ее подбородок дрогнул, и по щеке поползла слеза. Он ждал этого свидетельства скорой капитуляции, когда даже себе она еще не готова признаться, что пора сложить оружие и сдаться на милость победителя. Стараясь сдержать рыдания, она закусил губу, но ему отчаянно хотелось продлить вкус своей победы.

– Ты так прекрасна, что можешь стать бесценным экспонатом в любой коллекции...

Откуда только взялись слова! Он едва успел удивиться собственному красноречию, как она, оскорбленная давним сравнением с вещью, собрала все силы и рванулась из его железных объятий. Он инстинктивно подался вперед, и в следующий миг ей стало трудно дышать.

– Зачем ты мучаешь меня?!

– Я хочу быть уверен, что после моей смерти тебе гарантирована жизнь, которую ты получила по праву рождения и еще потому, что я все эти годы желал тебя, бесполезную и ослепительную. И когда меня не будет...

– Если тебя не будет... – Она почти сдалась, и слезы уже катились потоком, скатываясь с подбородка в вырез платья. – Я не стану жить!

– Когда меня не будет, Соня. Не если, а когда. – Он снова стал суров с ней, пытаясь донести свою мысль, от которой она бежала, как черт от ладана. – Ты выберешь человека, который сможет вести тебя по жизни. Быть тем, кем я был для тебя...

– Нет такого человека, как ты не понимаешь! И не смей бросать меня... – Она плакала навзрыд, цепляясь пальцами за камни. – Даже говорить об этом бесчеловечно...

– Я никогда тебя не брошу, – с таким убеждением в голосе сказал Илья, что она всхлипнула еще пару раз и затихла. – Но ты должна пообещать мне, что сделаешь, как я сказал.

– Я не смогу.

Глупое создание, от рождения награжденное бессмысленным упрямством! Они рождены друг для друга, девчонка и ее почти бессознательная потребность сказать «нет», когда уже давно ясно, что будет «да», которое он предназначил ей. Но Илья знал, как заставить ее быть послушной. Он выпустил ее руку и вдруг облапил, как одноклассницу в зимнем полумраке на задворках школы. Запустил обе руки под юбку, предъявив на нее законные права. И даже ветер, который тоже не спрашивал разрешения, на минуту стих, оттесненный от ее тела мужчиной.

– Пока я жив, ты моя, Соня.

Он прижимал ее к камням, и она дышала тяжело и прерывисто под его поцелуями.

– Скажи еще, Илюша!

И когда он, наконец, развернул ее к себе, то сразу увидел, что крепость пала. Звякнула о камни упавшая заколка, и длинные черные волосы упали на плечи и тут же взлетели, подхваченные порывом ветра.

– Ты сделаешь то, что я прошу?

Он не просил, а требовал, нетерпеливо отвел прядь волос с ее лица, снова заглянул в мокрые и несчастные глаза с плывущими мимо облаками. За облаками было тихое счастье, которое могло принадлежать только ему. Если бы только у него было время на это счастье...

– Да, – едва слышно выдохнула она, но тут же поставила условие. – Только обещай, что останешься со мной как можно дольше. Я хочу встретить свою старость с тобой. Мы будем сидеть в креслах качалках на нашем острове и смотреть, как солнце на закате...

Больше слов он разобрать не смог, потому что Соня прильнула к нему, как бездомная кошка, и он знал, что еще немного, и она сама начнет завоевывать его прямо на этой скале, не дожидаясь романтики шелковых простыней в спальне. И ему всего-то надо было сменить тактику и принять знакомую игру. Это был утвержденный годами сценарий, который всегда оправдывал ожидания и приносил исцеление после боя. Но Илья сдвинул брови и помрачнел, не сводя с нее немигающего взгляда.

– Между нами пропасть в четверть века. Ты соображаешь, что несешь, Софья?

Затерянный в океане остров, полыхающее красным золотом небо, кресло-качалка на веранде, мелодичный перезвон бамбуковых подвесок... О чем она грезит, когда вокруг рушится целый мир! Его мир с необъятными границами, с миллионами на банковских счетах и портретами союзников и врагов в центральной прессе? Мир без друзей и отпусков, без самоотверженной семьи и тихой гавани, для которой никогда не находилось времени и места. Эта иллюзия побега от себя воюющего к себе умиротворенному была частью придуманного ею спектакля, где два одиноких героя вели бесконечный спор.

Почему мать назвала ее Софьей? В этой молодой женщине не было ни мудрости, ни стремления постичь и принять несправедливость земного существования, на которое был обречен каждый из них. Она была хрупким сосудом, наполненным девичьими мечтами и строчками прочитанных романов. Но чем больше он думал о ее неумении отличать насущную потребность от мимолетного каприза, о серых глазах постоянно на мокром месте и немислимой, сметающей все на своем пути сексуальности женщины, осознающей свою красоту и власть над мужчиной, тем сильнее хотел быть с ней и исполнить судьбу до конца.

– Это ничего не значит! – Она не сдавалась, морочила ему голову, пробираясь бессовестными пальцами под рубашку. – У нас все будет не так, как у всех...

Хотел бы он поверить ей хотя бы на миг, но реальность вокруг него вдруг сузилась почти до точки, до ноющей боли в груди.

– Это моя жизнь! – отрезал Илья и перехватил ее ищущую руку, не рассчитав сил, сдавил тонкое запястье и отстранился от ждущих губ. – Пошли в дом, а то эти репродукции с Айвазовского вызывают у меня острый приступ голода.

И повел ее прочь от скалы, как непослушную девчонку, застигнутую врасплох строгим отцом за тасканием конфет из буфета.

Обед не улучшил настроения Илья, и, глядя в его неподвижное мрачное лицо, Соня резонно рассудила, что стоит оставить мужчину на время в покое. До вечера он пребывал в уединении, сначала в библиотеке, а потом в кабинете, который она организовала буквально за несколько часов, вспомнив навыки офисной работы. Компьютер, подключенный к интернету, оказался серьезным искушением, мимо которого он пройти не смог. И когда он принесла ему в библиотеку кофе и рюмку коньяка и сообщила, что кабинет готов принять босса, он оторвался от книги и даже изобразил некое подобие улыбки.

– Ты примерила роль хорошей девочки, да?

– Я стараюсь, но не очень умею заботиться.

– Для черновой работы у тебя есть прислуга.

– Мне приятно делать для тебя что-то самой. Можно я минутку посижу тут, пока ты пьешь кофе?

– Посиди.

Царским жестом он указал ей на массивное кресло напротив и снова уткнулся в книгу. Соня грациозно опустилась между gobеленовых валиков, подобрала под себя ноги и принялась изучать корешки фолиантов в ближайшем шкафу.

– Ты не притронулся к коньяку? – негромко удивилась она, когда чашка с остатками кофейной гущи звякнула о поднос.

– Не сегодня, – рассеянно отмахнулся Илья и поверх очков с сожалением покосился на нетронутую рюмку.

– Ты нездоров?

– Я всего лишь не хочу коньяк.

Ее интуитивные догадки были сейчас совсем некстати.

– Разве обычно...

– По-твоему, без алкоголя я и дня не могу прожить?

– На что ты сердишься, милый?

– Не придумывай, я не сержусь.

– Ты изменился с тех пор, как мы уехали из Москвы.

– Я всегда такой, – отрезал он и уткнулся в книгу, но она смотрела неотрывно, и под ее взглядом ему стало не по себе. – Могу я просто выпить кофе, или необходимо, чтобы я, как дрессированный пудель, исполнял привычные трюки в угоду твоему знанию обо мне?

– При чем тут пудель? – Соня быстро опустила глаза, уверившись, что с ним и правда что-то не так. – Я спущусь в сад, а ты можешь поработать наверху. Последняя дверь по коридору направо. Там тебя никто не побеспокоит.

– Даже ты? – съязвил он.

– Я не приду, если ты не хочешь. Встретимся за ужином.

– Сделай милость!

Соня почувствовала, как от обиды зашипало в носу, и на глаза навернулись слезы. Илья делал вид, что увлечен книгой и каждым окаменевшим мускулом лица показывал, что не намерен продолжать диалог. Она подхватила поднос и выбежала из библиотеки, оставив его наедине с его раздражением на нее, на себя, на весь мир. Едва за ней закрылись двери, он бросил книгу на столик, снял очки и принялся крутить их в пальцах, размышляя над тем, что по возвращении в цивилизацию надо бы и впрямь пройти обследование. Еще не хватало свалиться с инфарктом теперь, когда новая жизнь маячила впереди смутными перспективами, и можно было двигаться в любом направлении, не ограничивая себя рамками и условностями.

Илья пришел в спальню далеко за полночь, понадеявшись, что она уже видит десятый сон. Укрытая легким одеялом Соня лежала поперек широкой кровати головой на его подушке, и он сразу разгадал ее нехитрую уловку. Чтобы лечь самому, ему пришлось бы осторожно потеснить и, тем самым, разбудить ее. Но он ворвался в ее сны бесцеремонно и грубо, заключив в объятия и лишив возможности двигаться. А когда она попыталась то ли обрадоваться, то ли возмутиться, закрыл ей ладонью рот и поцеловал в висок.

– Спи! Мы успеем наговориться утром.

Она покладисто кивнула, оставив его ради очередного приключения в царстве грез, и Илья, поерзав на высокой подушке, закрыл глаза, позволив усталым мышцам расслабиться. Через несколько минут Соня придвинулась и устроилась в стиге его руки. Он без вождения вдохнул запах ее волос, погладил округлое плечо и беззвучно поблагодарил кого-то невидимого за прожитый с нею день.

А утром уже Соня осторожно выпутывалась из его рук, стараясь не разбудить. Он спал на удивление крепко и не шелохнулся, когда она сползла со скрипнувшей кровати, накинула легкий пеньюар и небрежно заколола волосы, прежде чем спуститься на кухню и сочинить ему

особенный завтрак. Вспомнив вчерашний вечер в одиночестве, она вздохнула и направилась к выходу, но едва открыла дверь, как налетела на невесту откуда взявшегося Павла.

– Что ты здесь?..

Он не дал ей закончить и неприветливо сдвинул брови, хотя она успела разглядеть странную растерянность, промелькнувшую на его всегда суровом лице.

– Шеф спит?

– А ты как думаешь!

Павел, будто не услышал ответа, заглянул ей за спину, чтобы убедиться, что Илья в спальне. Обычно невозмутимый и подчеркнуто вежливый на этот раз он был словно не в себе. Соня сразу почувствовала неладное, и ее сердце отчаянно заколотилось в ожидании плохих новостей.

– Идем вниз, – приказал полковник Тихонов и бесцеремонно ухватил ее за предплечье.

– Какого черта? – изумилась Соня, но он уже тащил ее к лестнице, как провинившегося щенка. – Что происходит?

– Нам надо поговорить без свидетелей.

– Какие свидетели? Свидетели чего?..

Коридор и лестница были пусты, и в холле на первом этаже гулко зазвучали только их шаги. Дом словно затаился и стал холодным и неуютным при появлении гонца, принесшего плохие вести. Соня не успела удивиться, почему дети молчат и не видно горничной, но Павел втолкнул ее в библиотеку и закрыл у себя за спиной створки массивных дверей.

– Ну что, доигралась?

Сам вопрос и тон, каким он был задан, повергли ее в такое неподдельное изумление, что она осталась стоять с открытым ртом, а сквозняк, забравшийся в дом через приоткрытое окно, весело раздувал полы ее пеньюара. Павел смотрел на нее ледяными глазами, словно предлагал самой догадаться о случившемся, но ей на ум ничего не шло. После того, как свадьба расстроилась, и Илья увез ее на виллу, бросив все – семью, работу, привычный уклад – ей казалось, что ничего более значимого произойти уже не может.

– Ты можешь объяснить по-человечески, в чем дело?

– Сама посмотри!

Словно дешевый фокусник на базаре, он извлек из внутреннего кармана пиджака сложенную в несколько раз газету и нарочито медленно развернул и расправил мятые страницы. Газета была на русском. На первой странице под огромным заголовком «Гулять так гулять» красовалась фотография мужчины и женщины с обращенными друг к другу лицами. Соня, чувствуя, как останавливается сердце и подкашиваются ноги, дрожащими руками встряхнула сероватый лист, пахнувший типографской краской, словно надеялась, что буквы осыплются на пол и их можно будет смести веником в мусорную корзину. Но мужчина и женщина продолжали улыбаться друг другу, и в глазах у обоих было столько нежности и желания, что сомнений в сути их отношений не осталось бы даже у самого неискушенного читателя. История о романе олигарха и его единокровной сестры, которая чуть не вышла замуж за другого, была с пугающими подробностями описана на двух полосах. С биографическими фактами, художественными описаниями несуществующих событий и множеством реальных деталей, которые не мог знать никто, кроме... Соня похолодела, дойдя до середины пасквиля, и подняла на гостя глаза, полные ужаса и отчаяния.

– Ты считаешь, что это он?

– А кто?

– Это невероятная низость! Он не мог! Он не такой...

– Ты говоришь о бывшем любовнике, которого поимела и бросила накануне свадьбы. Теперь у него есть право быть каким угодно.

– Ты его совсем не знаешь! – со слезами выкрикнула она, склонная скорее поверить Павлу, чем своей необъективности.

– Зато ты знаешь этого типа слишком близко, и из-за этого пресса гудит, а на бирже вот-вот рухнут акции.

– Какие акции? Ты с ума сошел! Это какой-то абсурд... – повторяла Соня, меряя библиотеку шагами из угла в угол.

– Сядь!

Она пропустила его окрик мимо ушей, и тут же была поймана за руку и буквально брошена на диван.

– Ты хоть осознаешь, что натворила?

В этот момент она не могла сосредоточиться даже на звуках его голоса, и уж точно не в состоянии была оценивать ситуацию трезво или принять на себя вину за случившееся. Все происходящее сейчас в библиотеке с ее круглыми стенами, огромным панорамным окном с видом на море, деревянными шкафами с тысячами старых и новых книг и многоярусной хрустальной люстрой, которая с минуты на минуту начнет капать на пол ограненными слезами, казалось ей страшным сном, сценой из фильма ужасов, где должно случиться нечто необъяснимое и чудовищное. Но пока ничего не произошло, еще можно дышать и придумать другой сценарий, поменять артистов, отсрочить неизбежный трагический финал.

– А как ты сюда попал?

В ее голове сами собой зарождались пустые, не относящиеся к делу вопросы. Она снова вскочила на ноги и заметалась по комнате, своим мельтешением вызывая у него приступ раздражения и мигрень.

– Мне позвонили вечером, когда тираж уже лежал в типографии, и сказали, что остановить процесс невозможно. Я получил сигнальный экземпляр, утвердил маршрут полета и вылетел сюда в два тридцать по Москве, – по-военному четко докладывал он. – Арендую машину, снова созвонился с Москвой и сразу выдвинулся сюда. Мне нужны указания от шефа, что предпринять в этой ситуации.

– Указания? От Ильи? А что он может сделать, если газета вышла?

– При чем тут газета, – рассвирепел полковник Тихонов, но под ее испуганным взглядом сдержал приступ гнева. – Он должен решить, как действовать.

– Ты хочешь разбудить его и рассказать об этом?

Соня была не на шутку напугана и шокирована прочитанным. И хотя газета была с «желтоватым оттенком», этот материал, переработанный и повернутый в нужное русло, уже наверняка расходился по издательским домам.

– Не я. Ты скажешь ему сама, – без тени сомнения потребовал Павел. – Ты это натворила, тебе и расхлебывать.

– Что я такого сделала? Что я скажу?.. – заголосила Соня, снова и снова пробегая глазами по строчкам и все глубже погружаясь в пучину скандала. – И как? И, боже мой, какая грязь...

– Шеф будет вне себя, – подтвердил самые худшие ее опасения Павел.

– У него больное сердце, – запоздало сообщила Соня и рухнула на диван, холодея от страха за брата. – И эта история может повлиять...

– Не жилось тебе спокойно, как тысячам баб, у которых богатые мужики! – Соня чувствовала, что с каждой минутой злость Павла нарастает, и вжалась в спинку дивана. – Раздвигала бы ноги и получала все, что душе угодно! Так нет, тебя потянуло на приключения. А парень-то оказался не промах!

– Я и так имею все, что хочу, – возмутилась она и швырнула газету на пол. – Вопрос не в деньгах и возможностях.

– Еще бы! Деньги и возможности – это котел, в котором ты варишься с пеленок. Но тебе и этого показалось мало. Решила поиграть в плохую девочку.

– Орлов меня любит. – Она сжала кулаки и с ненавистью взглянула на газету, где на снимке Илья обнимал сестру совсем не с родственными намерениями. – И не смей меня упрекать. Кто ты такой, чтобы судить о наших отношениях?

Он присел рядом, не сводя с нее злого и беспощадного взгляда. Соня запахнула пеньюар на груди и поспешила отвернуться. Неожиданно она почувствовала себя куда более раздетой, чем была на самом деле. И безмерно виноватой. Но какого черта она должна что-то объяснять этому мужлану! Какое у него право задавать ей вопросы, на которые ни у кого не было правильных ответов!

– Все годы, что я тебя знаю, ты вела себя глупо и безответственно.

Как обычно, занудства ему было не занимать, особенно в том, что касалось протокола и соблюдения приличий. Она обернулась с яростью ошпаренной кошки и зашипела:

– Да пошел ты!

Но когда попыталась подняться, он перехватил ее и усадил обратно. Запястье, которое она рывком попыталась освободить, полыхнуло острой болью.

– Куда бы я ни пошел, тебе придется жить с этим.

Они оба смотрели на ее руку, пойманную в тиски его железных пальцев. На нежной коже вздулась голубая венка, и проступили красные пятна. Соня затаила дыхание и осторожно, словно проверяя хватку капкана, потянула руку к себе.

– Все уже случилось. – Она с каждой секундой теряла волю к сопротивлению и, когда он отпустил ее, сокрушенно сторбилась, признав правоту его слов. – И ничего не изменить.

А следом сознание обреченности ввергло ее в панику. Что теперь делать? Скрыть от Ильи газету? На сколько? На день? На два? Сейчас начнутся звонки, и он узнает от кого-то другого.

– Возвращайся наверх и сделай так, чтобы он узнал от тебя, – будто прочитав ее мысли, посоветовал Павел, и в его голосе было больше усталости, чем раздражения.

– Я не знаю, что ему сказать!

– Плевать, что сказать. Факта публикации уже не изменить. Важно, как ты это расскажешь. Ему это важно.

Она была подавлена и разбита, но все же успела удивиться, что бесчувственный Павел проявил чудеса понимания и человечности к тому, кто никогда не позволял себе проявлять человечность и понимание по отношению к другим.

– Откуда тебе знать, что ему важно? – скривилась она, не желая выслушивать советы от телохранителя. – Мне все равно, что обо мне скажут или напишут. Меня никто не знает. Но он всегда на виду. Как он будет смотреть людям в глаза?

– Надо было побеспокоиться о последствиях прежде, чем ты забралась в его постель. Отправляйся и разбуди его, пока это не сделал чей-нибудь доброжелательный звонок. Или займись с ним сексом, а потом слова найдутся сами.

Соня ошарашено глянула на мужчину, который позволял себе столь интимные рекомендации. Он уверенно выдержал ее взгляд и одобрительно усмехнулся, когда она кивнула, словно осужденный на эшафоте при оглашении смертного приговора, и послушно направилась к дверям библиотеки. Павел прихватил разоблачающую статью, распластавшуюся на полу мертвой птицей, и последовал за ней, как конвоир.

– И как, оно того стоило? – с каким-то скрытым злорадством спросил он перед дверью спальни, но женщина не ответила, хотя весь путь по лестнице неотступно думала о том же.

Думала, переступая порог спальни и задержавшись возле кровати, где он безмятежно спал, даже не подозревая о разразившейся грозе. Думала, пока газета в руке не стала мятой и влажной, и Соня бросила ее на тумбочку в изголовье, брезгливо вытерев испачканную типографской краской ладонь о пеньюар.

– Илюша, милый...

Она скользнула под одеяло и прижалась к нему с отчаянием загнанного зверя, зажмурилась, как будто ждала, что сейчас их обоих поразит молния, и все закончится – они умрут в один день без страданий и сожалений о своей беспутной жизни. Но за окном жмурилось солнце, море привычно рокотало у скал и в доме царили тишина и спокойствие.

– Ты что-то рано сегодня, – пробормотал он вместо приветствия и бросил короткий взгляд на часы у кровати. – Чего тебе не спится?

– Я люблю тебя, – с замиранием сердца призналась Соня, словно впервые произносила эти слова, и не смогла сдержать подступившие слезы. – Я так люблю тебя, мой родной!

– Хм, неплохое начало дня!

Илья притянул ее к себе на грудь и поцеловал в щеку. Пушистые локоны упали ему на лицо, и он с наслаждением вдохнул знакомый запах. Соня уткнулась носом в его шею и зашептала в лихорадочном волнении:

– Но то, что мы сделали... То, что я натворила...

– Не начинай, Соня! – Он легонько шлепнул по обозначившейся под одеялом выпуклости. – Что за вздор тебе приснился!

– Все могло быть иначе...

– Ну, конечно! Например, ты могла родиться мальчиком. Или нашей родиной была бы Кения. Я бы батрачил на ферме и ненавидел белого надсмотрщика с кнутом. Это так, в общих чертах. А ты уж сама придумай подробности, как все могло сложиться. Что они там собирают? Бананы?

– Думаю, кофе или сахарный тростник, – на автомате продолжила она, подав свою реплику в знакомой игре. – И ты был бы хозяином плантации или президентом.

– Президентом в экваториальной Африке? Вот счастливчик! Прямо баловень судьбы. Можно не париться в костюмах и на обед заказывать рагу из врагов.

– Господи, ну что ты несешь! – спохватилась она, шмыгнув носом.

– Хм, действительно! Это ты заразила меня вирусом сочинительства дурацких историй. Так о чем мы говорили?

– О том, что мы совершили ошибку!

Она подняла голову с жалобными глазами и вытерла с подбородка полоску от пробежавшей слезы, и Илья снисходительно потрепал ее по щеке.

– Если мы и натворили дел, то точно не вчера или неделю назад. С того момента утекло столько воды в джакузи и выпито столько алкоголя, что пора наши приключения записать в отдельную семейную хронику в назидание потомкам. Ну и жить дальше, разумеется. Если я о чем-то и желаю, то лишь о том, что потратил столько лет впустую, пока бегал за тобой, как мальчишка. Или ты кусаешь себе локти, что сбежала от завидного жениха?

– Что ты, Илюша! Я счастлива.

– А зеркало скажет тебе, что ты врешь. Глаза опухшие, нос мокрый, волосы растрепаны. Морщины на лбу. – Он потер пальцем место между ее бровей, где собралась напряженная складочка. – Совсем не похоже на счастье, а, Соня?

– Нет же... Ты ошибаешься. Мне хорошо с тобой.

– Тогда прекращай лить воду в кровать. Все, что с нами случилось, – должно было случиться.

– Ты уверен?

Она уцепилась за его слова, как цепляется за ржавый бакен унесенный в море пловец, словно они могли развеять ее сомнения и свести на нет надвигающиеся последствия.

– Я не стану делать ничего, в чем сомневаюсь. И сейчас тебе это докажу.

Он усмехнулся, чувствуя себя сильным и уверенным львом, перевернул ее на спину, как мягкую игрушку, и Сонины слезы потекли сильнее.

– Докажи, – зашептала она, окунувшись в его желание с головой.

– А ты не смей сомневаться!

– Я и не...

Она не договорила, загораюсь его страстью, двигаясь в такт его движениям, готовая разделить с ним каждый вздох без сомнений и оговорок. Воздух в комнате колыхался и сгущался, становился почти видимым и горячим. Над постелью в луче света отплясывали джигу веселые пылинки, занавеска всплескивала крыльями и со старательностью дуэньи закрывала от солнца слившиеся в единое целое тела. Кровать жалобно заскулила, а подушка с мягким хлопком свалилась на ковер. Тонкие Сонины руки сомкнулись за спиной Ильи, а рот приоткрылся в безмолвном крике. Всего один миг оставался до того, как яркая вспышка должна была осветить их будущую жизнь, и именно в этот миг комната взорвалась телефонным звонком.

Любовники дружно обернулись в направлении звука, и мистерия страсти растаяла в душном воздухе.

– Кому это вдруг... – начал Илья, с трудом переводя дыхание.

– Не бери! – вскрикнула Соня, удивленная, что телефон оказался включенным, и повисла на его шее. – Не надо, не сейчас.

– Я посмотрю, кто звонит.

– Кто бы ни был, он не вовремя! – Она продолжала удерживать его всеми силами. – Прямо сейчас я хочу тебя!

Телефон захлебнулся последней трелью и затих. Илья потянулся к тумбочке.

– Я просто посмотрю...

– Они напечатали историю про нас, – поспешно выдохнула она и зажмурилась, будто ждала пощечины. – Там все. Все, что мы сделали. С самого начала до проклятой свадьбы.

– В какой газете?

– Ах, да не помню я название! Она там. – Соня ткнула пальцем в прикроватную тумбочку и заключила его лицо в ладони, умоляя словами и глазами. – Прошу тебя...

Илья бережно отвел ее руки, приподнялся на локте, чтобы увидеть, что газета – не плод ее воспаленного воображения, и перевел задумчивый взгляд на сестру. Ее мокрые ресницы казались еще чернее, губы были искусаны, отдающая медью выющаяся прядь прилипла к бледной щеке. Она тряслась мелкой дрожью и, казалось, вот-вот потеряет сознание.

– Ты меня любишь, Соня?

– Я жить без тебя не могу, – прошептала она покаянно и попыталась спрятать лицо в подушку, но он перевернул ее на спину, чтобы услышать каждое слово, рожденное в глубине ее сердца. – Ты самое дорогое, что есть у меня, и я всегда буду с тобой, что бы ни случилось. Я люблю так сильно, что могу умереть за эту любовь. За тебя. За нас...

Он не дал ей продолжить и закрыл поцелуем шепчущие признания губы. Телефон зазвонил снова и продолжал звонить с настойчивым раздражением, но теперь он не был помехой их страсти. В этой комнате с ослепительным отпечатком солнца на стене, наполненной воспоминаниями прошлых лет и Сониными наивными и несбыточными надеждами, что эти воспоминания не утратят своей яркости, а реальность будет каждый день превосходить их, никто из них звонка уже не слышал.

А потом тишину разорвал звук благодарного поцелуя, шуршание газеты и ее возмущенные вздохи, когда они вместе снова и снова пробегали глазами по строчкам скандальной статьи.

– Ну, ведь ложь, все ложь!

Она порывалась скомкать страницу и швырнуть на ковер, а он крепче прижимал женщину к своему плечу и отводил в сторону ее негодующие пальцы, готовые вот-вот вцепиться в мятый лист.

– Не мешай!

– Как можно было все вот так опозлить, вывернуть наизнанку... И эти фотографии!

– Сонька, угомонишься ты или нет?

Илья зажал ей рот, не отрываясь от последней колонки. Она с усилием отклеила от лица его ладонь и снова уткнулась в текст.

– Нет, когда такое было, а? Ты помнишь, чтобы мы...

– Софья, дай мне прочесть! Или сейчас пойдешь вон из комнаты!

Но Соня вывернулась из-под руки, отобрала у него газету и по-турецки уселась рядом, забросив за плечи спутанные пряди волос. Взгляд у нее был виноватым и больным, как у приютского пса.

– Они разрушили всю твою жизнь! Ты должен опубликовать опровержение!

Она ждала чего угодно, глядя в его нахмуренное лицо, но только не того, что случилось потом. Он внезапно развеселился и, схватив ее за плечо, подтащил к себе ближе.

– Какой же ты ребенок, в самом деле!

Она инстинктивно увернулась от неуместного поцелуя, так что его губы проскользнули в сантиметре от ее щеки, и снова распрямилась, как отпущенная ветка.

– Что смешного в этой мерзости? Они вывернули наизнанку всю нашу жизнь. Как мы будем жить с этим?

– Ну, положим, лично я с этим жить и не собирался. Жить я буду с тобой, с удовольствием, между прочим, и без напрасных угрызений совести и трагических медитаций над паспортом.

– Я не понимаю, Илья. Ты хочешь оставить все, как есть?

– Если ты о нас – то да, все останется, как сейчас. Как будто я могу позволить какому-то писаке разрушить нашу жизнь несколькими бесталанными строчками. Если о статье – тоже да, но по другой причине. Тот, кто санкционировал этот шедевр журналистского расследования, надеялся меня зацепить. Не разрушить мою жизнь, а сделать банальную гадость. И чего он, по-твоему, добился?

– Все узнали... – в растерянности ответила она, не понимая, куда он клонит.

– Что узнали? Что я вырастил девочку и стал с ней спать, когда ей почти исполнилось тридцать? Эка невидаль! Сегодня подобной историей можно шокировать разве что старых дев. То, что девочка – моя прямая родственница? Я никогда не был образцом для подражания. И чем это знание поможет моим врагам и навредит мне? Об этом узнала моя семья? Так семья в курсе моей аморальности, хотя и не рискует обсуждать эту тему со мной за вечерним чаем. Деловые партнеры? Им глубоко плевать, с кем и как я сплю. Государство? Но если мои человеческие грехи не отражаются на размере налоговых поступлений в бюджет, а с чего им отражаться, – и ему наплевать ровно так же. Остаешься только ты, которой внезапно стало стыдно за наше грехопадение. Но в этот самый момент, мучаясь стыдом, ты сидишь неглиже в моей постели, и будешь в ней и завтра, и послезавтра, и всегда. А вот если тебя оттолкнет эта статья, и ты уйдешь в монастырь, к любовнику, к сайентологам или куда еще может уйти сумасшедшая в порыве раскаяния, я немедленно дам опровержение, а журналисту оторвут башку за то, что ты бросила меня по его милости!

– Не понимаю, что тебя так позабавило, Илья! Ты пытаешься отшутиться...

– Я не вижу поводов для раздувания пожара, Соня! Кстати, в статье почти нет ничего придуманного или криминального, за что меня можно было бы подвести под статью. Они могли бы добавить красок и написать, что я обесчестил тебя, когда тебе было восемь. Или что я переписал на тебя свои компании, чтобы избежать конфискации при аресте. Или даже, что у нас общий ребенок. Или другую подобную галиматью. Ничего же этого нет. Материал изложен эмоционально, да, с оттенком пошлости, да, но с информационной точки зрения – вполне корректно. Так оно все и было: безудержный секс, измены в семьях, побег из Москвы за тридевять земель.

– Но мы с тобой другие!

– Да кому какое дело, какие мы и почему нас тянет друг к другу. Тебе важно донести истину до толпы? Так напиши мемуары. Только позже, после моей смерти.

– Какой еще смерти, – заныла она и скуксилась. – Не будет никакой смерти...

– Ага, мы будем жить долго, счастливо и вечно!

Ему все-таки удалось сломить ее сопротивление и уложить обратно к себе на плечо.

– Теперь, когда ты получила все, что хотела, надеюсь, ты уgomонишься и станешь жить со мной без выкрутасов, как примерная жена. А если нет, то я увезу тебя на заброшенный остров и заточу там в спальне. И ты будешь безраздельно, исключительно, навечно моя. И даже в интернет тебе ходить не дам, а то начитаешься всякой журналистской блевотины и будешь изводить меня сомнениями или, того хуже, слезами.

– Запри, Илюша! Запри и делай со мной, что хочешь, только не оставляй. Когда мы встретились у банка, и ты сказал, что отпускаешь, – это было самое страшное, что со мной случилось. Ты не можешь отпустить меня. И уйти не можешь. Меня нельзя оставлять одну надолго, я теряюсь, я делаю глупости. – Соня смежила ресницы, чувствуя его губы на своих волосах, но внезапно что-то вспомнила и недовольно заворочалась. – Но теперь все будут смотреть на меня, как на шлюху.

– Ну, уж прямо как на шлюху, – хмыкнул Илья и накрыл ладонью ее всколыхнувшуюся грудь. – Скорее, как на жертву. Возможно, некоторое время тебе придется потерпеть навязчивых репортеров, вышедших на охоту. Но скоро они остынут, поверь мне. В мире слишком много событий случается каждую минуту, чтобы сделать тебя навечно пупом земли. Олигархи женятся и делят имущество с целым выводком наследников, президенты заводят детей от спортсменок, пожилые примадонны таскают за собой любовников, которые им во внуки годятся. И это не говоря уже о незначительных событиях, вроде межнациональных конфликтов, экономических кризисов, неизлечимых эпидемий. А ты мечтаешь о непреходящей славе плохой девочки перед капризными объективами. «Она спала со своим братом!» Тоже мне событие вселенского масштаба! Смирись, дорогая, тебе не обыграть на этом поприще Мессалину или Лукрецию Борджиа!

– Надо же, как ты осведомлен о распутницах!

Телефон зазвонил снова. Соня посмотрела на брата умоляющим взглядом, но он наградил ее бодрой улыбкой и потрепал ее по щеке.

– Мы же не можем прятаться всю жизнь, Сонька! Да и не привык я прятаться.

Она скрепя сердце согласилась с его неоспоримыми доводами и сама положила аппарат в протянутую ладонь, трусливо отворачиваясь от высветившегося номера.

– И тебе доброе! – поприветствовал он невидимого собеседника, и Соня вся подобралась, стараясь поймать его гуляющий по комнате взгляд. – Соня? А что с ней? Да нет, уже проснулась, болтает о пустяках.

– Не смей обсуждать меня в моем присутствии, – зашипела она, но Илья прикрыл трубку ладонью.

– Если тебе что-то не нравится – марш отсюда! Прими холодный душ и уgomонись.

– С кем ты говоришь?

– С Розой.

Соня побледнела, как московское небо в ноябре, но Илья не заметил ее волнения и методично кивал в ответ на реплики жены. Несколько секунд оставшаяся без внимания женщина всерьез раздумывала над его предложением, но когда придвинулась к краю кровати, он оставил ее негромким окриком:

– И кофе мне сделай!

– Я попрошу Марию!

Соня недовольно фыркнула, мысленно проклиная это утро вместе с Павлом, газетой, телефонными звонками и Розой, которая почему-то начала разговор со сбежавшим мужем с вопроса о Соне.

– И чего ты хочешь? – спросил Илья, когда дверь за Соней закрылась.
– Она переживает? – с неуместным сочувствием спросила жена.
– Не больше, чем обычно. Это ее хобби – переживать.
– Журналисты ее не пожалели.
– Не вижу проблемы. Написано довольно прилично. Я мог бы ожидать худшего.
– Куда еще хуже? Связь с сестрой... Или ты уже не в состоянии отличить добро от зла?
– Я живу с женщиной, которую люблю. Постельные сцены на потребу убогим фантазиям публики – второстепенны.

– То есть ты не мечтал переспать с ней с момента, как она надела бюстгальтер?
– Ты хочешь узнать всю историю из первых рук?
– Интимные подробности оставь себе на старость. Я одного не могу понять: зачем?
– Зачем что? Спать с ней или все бросить ради нее?
– И то, и другое.
– Ну, на второй вопрос, как любая умная жена, ты должна бы знать ответ сама.
– Думаешь, я поверю, что дело во мне?
– И в тебе отчасти. Но главное – она не такая конформистка, как ты. Она не хочет прятаться по углам, как вороватая крыса. Ей нужна нормальная жизнь с любимым человеком. Уж в этом ты-то могла бы ее поддержать.

– Сбежать с любовником, который в два раза старше ее, увести его из семьи, спровоцировать скандал... – Роза упорно делала вид, что не замечает его намеков. – Конформизмом тут и не пахнет. Я уже не говорю о вашем родстве.

– И, тем не менее, не тебе осуждать ее, – набычился Илья, натолкнувшись на стену глухого непонимания.

– Еще скажи, что ты готов на ней жениться.
– Я готов с ней жить, – уклончиво ответил он.
– Но это же дикость! Варварство, недопустимое в цивилизованном обществе. Есть религия, мораль, и законы еще никто не отменял.

– Я уже и не помню, как давно купил себе право плевать на законы и мораль, – грубо оборвал он лицемерное нравоучение из уст неверной жены. – Я добился всего, о чем любой может только мечтать. И что мне до осуждения бульварной прессы или ханжей, вроде тебя?

– Видимо, и до собственных детей тебе тоже нет дела!
– А их это как задевает? Моя жизнь – только моя. Я вырастил детей и дал им все, что может дать отец.

– Но ты же понимаешь, что этот скандал отразится и на них. Левушка подавлен, Марина просто в бешенстве.

– Найми им психотерапевта.
– Вижу, у тебя нет ни стыда, ни совести!
– Давай оставим в стороне банальности, Роза! У меня есть женщина, которая меня любит.
– Так на старости лет тебе захотелось любви, а не просто свежих впечатлений в постели?
– Я никогда не жаловался на отсутствие впечатлений, в том числе, в сексе. Но теперь мне нужна моя Соня.

– Она твоя сестра и никогда не перестанет быть ею. И она слишком молода, чтобы рассматривать тебя как партнера всерьез.

– Посмотрим, – хмуро отрезал он.

– Илья, опомнись! – с пафосом заговорила Роза, поймав нужный тон. – Ты ударился во все тяжкие, как потерявший голову мальчишка. Возвращайся в Москву, дай опровержение грязной статейке. Все еще можно наладить.

– Нечего тут налаживать. Я не вчера принял решение, и с выбранной дороги не сверну. И если это все, что ты хотела мне сказать...

– У нее есть все, что принадлежит семье, – заторопилась с разоблачениями Роза, опасаясь, что он не дослушает и повесит трубку. – У нее есть молодость и красота. Она будет изменять тебе, как уже проделывала это не раз с мужем.

Илья поморщился при упоминании Николая, но на наживку ревности и сомнений не клюнул, переведя разговор в привычное для себя русло.

– Кстати обо всем. Я недавно переписал завещание.

– Наследство отойдет ей?! – не сдержав изумления, вскрикнула жена.

– Не надо считать меня слабоумным, – холодно осадил он жену. – Соня получит половину всего, что можно отдать без ущерба для бизнеса: дома, машины, вклады. Остальное принадлежит тебе и детям.

– Неужели ты думал, что семья лишит ее наследства?

– Я думаю, что с ее практичностью и деловой хваткой ей лучше в разговоры о наследстве вообще не вступать. Адвокаты позаботятся, чтобы она получила по завещанию свою половину. А тебе не придется выбирать между моей любовницей и своими детьми.

– Нашими детьми, Илья! Они и твои дети тоже, – вскинулась Роза. – Надеюсь, ты не забудешь об этом в объятиях своей новой пассии.

– Придержи язык, Роза. Я не хочу, чтобы на оглашении завещания члены моей семьи сцепились, как обезумевшие кошки.

– Хорошо же ты обо мне думаешь!

– Я хорошо о тебе думаю, дорогая, – примирительно сказал он и потер ладонью засбоившее сердце. – И буду думать еще лучше, если ты воздержишься от интервью и от публичных упоминаний моего имени в контексте этого скандала. Если не станешь настраивать против меня наших знакомых и родню, а также звонить и изводить меня душеспасительными разговорами о том, почему я сплю с ней, а не с тобой.

Роза выслушала эту тираду молча, закусив губу, и хотя внутренне кипела от возмущения, тем не менее, была согласна с его разумными требованиями.

– Ты меня знаешь, Илья, – после долгой паузы ответила она. – Я не стану вредить тебе или Соне. Но я хочу понимать, почему ты с ней.

– Потому что она самый близкий мне человек, – с усталым вздохом произнес он, не надеясь быть услышанным.

– Трудно поверить, что ты банально влюблен в нее.

– Банально или эксклюзивно, это не касается никого, кроме меня и Сони.

– Это плохо закончится, Илюша, – с неподдельной горечью заключила Роза и приложила к носу мокрый от слез платок. – Помяни мое слово.

– Нашла, чем удивить! – по-мальчишески отмахнулся он. – Все в этой жизни заканчивается только одним. А до того у нас с Соней все будет хорошо, чего и тебе желаю.

Несколько минут спустя Соня вошла в спальню с подносом и опустила его на одеяло рядом с Ильей. В тишине было слышно, как в ванной шумит вода. Телефон лежал на тумбочке, а мужчина с невозмутимым лицом читал спортивную хронику в замусоленной газете, словно никакой статьи о них не было вовсе. Он на ощупь взял чашку и, не поднимая глаз, ответил на Сонин молчаливый вопрос.

– Все, как и должно быть. Она беспокоится о тебе. Лева и Марина обижены. Она предлагала вернуться. Но все уже решено. И не думай о плохом, лучше поваляйся в джакузи, только

недолго. После завтрака свозишь меня в город посмотреть на людей, а то я тут одичаю, как цепной кобель.

Женщина кивнула, как будто он мог видеть ее за пачкой газетных листов, и ушла в ванную, провожаемая его долгим взглядом. «Нет, это не ошибка. Плевать, что они думают. Она останется со мной, что бы ни случилось. Я слишком долго шел к этому, чтобы повернуть назад».

Она увезла его в Агридженто, и, памятуя, что он хотел человеческих лиц и бурлящей жизни вокруг, привела в самый шикарный рыбный ресторан с темпераментными итальянцами, шумными немцами и восхищенными японцами. От многоязыкого гомона к концу обеда у него ломило виски, и он жмурился на свету и едва слышно рычал, чувствуя, что голова вот-вот взорвется. Соня была немногословна, с пониманием разыскала в сумке таблетку и приложила прохладные пальцы к его напряженному лбу.

– Потерпи, мой родной, через несколько минут станет легче. Давай поскорее расплатимся и уйдем.

Он не нашел в себе сил даже кивнуть и щелкнул пальцами, подзывая официанта. Сегодня он насмотрелся на людей куда больше, чем хотел.

– Прогуляемся или поедем домой?

В машине под тихое шуршание кондиционера можно было расслабиться в пассажирском кресле и, прикрыв глаза, следить за живописной дорогой. Или можно было взять ее за руку и пройти с ней в угодную по старым улочкам, делая вид, что занят архитектурой. А на самом деле исподволь наблюдать за ней и наслаждаться узкой сухой ладонью, пойманной в плен, от которой шли невидимые успокаивающие токи, и казалось, что боль в висках отпускает и сердце стучит ровнее.

– Веди уже на свою экскурсию. Только недолго.

Бродить с ней по чужому городу вообще без мыслей, только с ощущением ее руки и сиюминутной близости, ради которой он бросил все, – видимо, это и было счастьем, за которым он гонялся столько лет.

«Я старею, я катастрофически старею, – вздохнул про себя Илья, когда в одном из узких переулков Соня стремительно обняла его, прижалась губами к губам и повела дальше между домами, будто ничего не случилось. – Права Роза, я – дурак преклонного возраста, который попался на удочку молодости и красоты». Но стариться рядом с ней было не обидно, а грустно, потому что отпущенного времени могло не хватить на все, что он придумал для них, и все, что ему только предстояло придумать.

– На тебя глазают все, кому не лень, – проворчал олигарх на пенсии, прижав ее локоть к себе. – С тобой невозможно идти.

Он со скрытым удовлетворением отмечал, как оборачивались спешащие мимо мужчины, как встречные не отводили глаз от ее сияющего лица, и ничего не мог с этим поделать. Он впервые осознал, что ее красота принадлежит всему миру, и мир будет любоваться ею и хотеть ее, а у него нет власти оградить свою женщину от жадных взглядов и тайных желаний. Если только и впрямь спрятать на острове в Карибском море, о котором она мечтала, и куда он собирался ее увезти.

– Почему бы это?

Она перевела смеющиеся глаза со старого, как мир, фасада на его напряженное лицо, и он, теряя слова и мысли, окунулся в ее любовь, как случалось уже не раз.

– Потому что ты самая привлекательная женщина в этом городишке, – буркнул он, с замиранием сердца глядя на ее улыбающиеся губы.

– Только в этом?

Игривый тон, жемчужная нитка на загорелых ключицах, узкая рука, поправляющая копну темных волос. Его возлюбленная, только его, отныне и навеки. Неотразимая, желанная, лучшая из лучших. Он знал, что заслужил ее, завоевал и сам был завоеван ею. Словно услышав его монолог, Соня подошла слишком близко, и он сжал ее пальцы и кивнул, не найдя подходящих слов. «Влюбился, как мальчишка, и никак не могу разлюбить».

– Поедем домой, Илюша. Ты выглядишь измученным. – Но, прежде чем повернуть к машине, она приподнялась на цыпочки и тронула его щеку легчайшим поцелуем. – Пусть они все завидуют тебе!

Проходящая мимо компания молодых мужчин в офисных брюках и белых рубашках с короткими рукавами громко обсуждала вчерашний футбольный матч, но натолкнувшись на них, обнимающихся посреди улицы, собеседники разом смолкли. Илья почувствовал, как в воздухе разлилось странное напряжение, какое, видимо, бывало на рыцарских турнирах, когда наградой была благосклонность женщины и полцарства в придачу. Он крепко обнял ее за талию и поцеловал на глазах у десятков людей, демонстрируя единоличные права на эту коварную сирену. И та самая Соня, за которой он долго и трудно охотился много лет, прежде чем смог вот так с легкостью обнимать, разом поймала его настроение и исполнила их поцелуй в точности по законам жанра. Переплела на его шее тронутые загаром руки, приподнялась на одной ноге, почти теряя босоножку с другой, подалась к нему грудью и бедрами. Толпа итальянских ловеласов зашумела и захлопала, глядя на странную пару, утонувшую в объятиях друг друга.

– А вот теперь пойдем, – лукаво улыбнулась Соня, едва он выпустил ее из рук, и не глядя по сторонам, повела его под руку обратно к машине.

И снова проходящие мимо мужчины смотрели на нее, и он тоже смотрел, но голова уже не болела, а губы еле сдерживали далекую от скромности усмешку. «Ошибается Роза, у нас с ней целая жизнь впереди».

Так он думал, пока она везла их на виллу. И потом, когда, сославшись на мигрень, остался в доме и из окна библиотеки следил, как в раздумьях или в мечтах она бродила по щиколотку в воде на песчаном пляже, а убегающие волны звали ее с собой, но ему не были слышны слова. А когда она вернулась с моря притихшая, он представил, как они останутся вдвоем на своем острове и, засыпая, она попросит уже не остров, а планету, или россыпь планет, или даже вселенную, и он не сможет ей отказать. Она примется шептать ему на ухо, будто кто-то может подслушать ее великую тайну, что их вселенная до краев наполнена океанами и островами, пальмовыми рощами и потухшими вулканами. Что мириады звезд, нанизанные на нитку млечных путей, по ночам освещают перевернутую чашу небес, и что где-то немыслимо далеко другие он и она смотрят вверх и шепотом говорят о счастье. И она будет придумывать эту жизнь, лежа у него на плече, пока не уснет до утра, до его поцелуя, до новой фантазии.

Соня вышла из душа и, остановившись возле кровати, обдала его прохладными каплями с распущенных волос. Она посмотрела в окно с вертикальной полоской звездного неба, прежде чем забраться в постель, и сдержанно вздохнула, будто смогла разгадать его замысел, но не посмела вторгнуться в его удивительные мечты.

– Ты устала?

Он и сам не знал, что хотел услышать в ответ. Что да, устала, и давай отложим объятия на утро, или нет, не устала, обними меня скорее, любимый. Но она ничего не ответила, утонула в мягких подушках, как избалованная принцесса, и смежила ресницы, предоставляя мужчине самому выбрать сценарий ночи. Он провел ладонью от ее плеча до колена, убеждаясь, что это не сон, и его Соня лежит рядом, а не летает в параллельной вселенной, до которой его мысли еще не добрались. Она улыбнулась и поймала его руку, двинувшуюся в обратный путь.

– Спасибо тебе, любимый! Это был такой чудесный день.

– Так уж и чудесный! – для профформы усомнился он.

– Разве возможно, чтобы ты сразу согласился со мной, Илюша! – Она поднесла его руку к губам, поцеловала и вернула к себе на грудь, словно они все еще бродили по чужому городу, и ему предстояло доказать глазающим зевакам свое превосходство и право собственности. – Наверное, если бы мы стояли в церкви перед алтарем, и я произнесла: «Согласна!», ты бы все равно возразил.

– Мы никогда не окажемся перед алтарем, Соня.

– Да разве это имеет значение! Я так люблю тебя, что если бы мне пришлось выбирать среди трех миллиардов мужчин, я бы, не задумываясь, выбрала тебя.

– Почему меня?

– Ты знаешь.

– Не знаю. Скажи.

Любые разумные доводы, которые она приводила всякий раз, когда он сомневался в себе и в возможности любить его, такого трудного и неудобного, все равно ничего не стоили в сравнении с ее голосом, произносящим его имя, с ее улыбкой, которой она укоряла его за неуверенность в их любви, с ее поцелуями, которым он верил еще до того, как к его губам приближались ее губы.

– Потому что ты лучший, Илюша. Ты моя вторая половинка, большая половинка, лучшая половинка. Ты – неотделимая часть моей души. Ты мой брат, мой отец, мой возлюбленный, мой муж и мой бог. Жизнь без тебя замирает, теряет звуки и краски, форму и смысл, превращается в пепел. Я никогда не отпущу тебя, а если отпущу, то и сама перестану существовать. И здесь и сейчас, в этом подлунном мире я клянусь, что отныне буду только твоей и буду любить тебя вечно, в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас.

– Ты обезумела, женщина! – выдохнул он, теряя голову от этой клятвы, словно наяву оказался у алтаря и услышал ее счастливый голос, взмывающий под гулкие своды собора.

– А ты должен был сказать, что берешь меня в жены, – откуда-то издалека напомнила Соня.

– Да, я беру тебя, – без тени сомнения отчеканил он, проникнувшись странной торжественностью момента, и тут же ворчливо добавил: – Но у нас будут только радости, богатство и здравие. Об остальном даже думать не смей.

– Это был самый чудесный день, – повторила она снова и с улыбкой вздохнула. – И я вообще не могу больше думать. А ты все-таки забыл сказать...

Но теперь непонимание не встало между ними, как вставало тысячи раз, и ему не надо было завоевывать эту крепость и требовать дань с покоренного города, потому что наградой победителю была она сама, лежащая рядом и держащая его за руку.

– Я не забыл, Соня, я просто не успел.

– Тогда скажи.

– Я любил тебя с твоего рождения и буду любить до самой смерти.

Он не умел говорить так красиво, как она, не умел похищать ее душу и уводить в воюющий мир своих желаний и надежд, и всегда боялся, что в этом мире ей будет одиноко и страшно. Но она, верная своему выбору, шла за ним повсюду, как жена декабриста в ссылку, продираясь сквозь его страх и неуверенность. И за эту ее отчаянную отвагу он готов был отдать все, чем владел.

– Тогда мы будем жить вечно, – едва слышно пообещала невозможная Соня, и ее засыпающие пальцы ослабели.

На белых шелковых простынях, в почти несуществующей сорочке, она была как царская невеста в первую брачную ночь, и он пожалел, что предоставил ей право уснуть, а не исполнить хотя бы часть его желаний и прихотей, которых было с избытком на все предстоящее им бессмертие в ее или его вселенных.

– Спи, моя маленькая, – прошептал он и накрыл ее руку своей. – Надеюсь, завтра ты будешь помнить все, в чем так неосмотрительно поклялась мне только что.

Однако до того как наступило это счастливое завтра, еще не открыв глаза, Илья уже знал, что тонет, и спасения ждать неоткуда. Но откуда взялась эта толща воды над ним, он не понимал и не помнил.

Несколько мгновений он прислушивался к внешнему миру, прежде чем собрал волю в кулак и проснулся. Под потолком гуляли причудливые ночные тени, воздух был сгущен от сладких запахов из сада, и никакой воды в спальне не было. Но море не осталось в его сне, оно плескалось в нем самом, внутри. А снаружи была знакомая комната, еще не привычная, как хотела Соня, но уже знакомая даже при внезапном ночном пробуждении. Справа часы на тумбочке показывали три сорок, едва различимо белела сложенная газета, еще дальше зеркало отражало большую кровать с двумя призрачными силуэтами на ней. Хотя он понимал, что не зеркало, а сознание рисует ему картину, на которой он тонет на втором этаже белой виллы с морем в груди. Он повернул голову. Соня лежала к нему лицом, и он мог бы увидеть каждую ее черточку, если бы темнота не была такой густой и черной, как ее волосы, упавшие на щеку. Он хотел убрать эти локоны, придвинуться ближе, обнять... Но он тонул и знал, что это неотвратно, – утонуть с ней рядом на огромной кровати, не имея возможности позвать на помощь. Не имея права попросить о помощи.

Он никогда не умел просить. И море, пользуясь этим, то самое море, к которому он всегда был равнодушен, в свою очередь равнодушно убивало его. Соленая вода разъедала легкие, боль билась за грудиной, и каждый новый вдох давался с трудом и теми усилиями, о которых начинаешь думать: а надо ли?

Илья попытался думать не о воде и боли, а о том, что должно было помочь отвлечься, выжить, вернуться в мир, где он царствовал столько лет в одиночку и только теперь мог бы царствовать со своей избранницей. Но мысли, делая короткий круг, возвращались к смерти, как убийца на место преступления, и он смирился с неизбежным и стал думать о том, о чем следует думать умирающему. О близких, которые оставались на земле, о бесчисленных ошибках и о победах, которых было еще больше. И все ждал, что сейчас включится пресловутая кинохроника, и перед ним развернутся все сюжеты его жизни от первого до последнего дня. Но киноплёнка куда-то задевалась, и ему пришлось вспоминать самому. О Розе, которая почти ни в чем не была виновата и была ему хорошей женой, насколько можно было пытаться стать хорошей женой, когда муж занят работой, другими женщинами и снова работой. О детях, которые любили его, хотя его трудно было любить, почти невозможно, и он знал об этом, но никогда не делал даже попытки измениться. Он всю жизнь ругался с Мариной и заставлял ее быть «послушной девочкой», но втайне гордился тем, что она так похожа на него в своем стремлении покорять и завоевывать, постоянно доказывая свое право на все, что недоступно простым смертным. Он с детства давил на Левушку, и осознавал, что гибкий и покладистый сын нисколько не походил на отца и был куда ближе к матери и ее мягкой дипломатии, чем к завоеванию мира с оружием в руках. Он вспомнил о покойном отце, который ушел не прощенный и не простивший, гордый своей правотой и отказавшийся ради этой гордости от всего, что было ему дорого после смерти жены, – от единственного сына.

Он подумал было о маме... О ее руках и голосе, но не смог пойти дальше, потому что острая боль заставила его на минуту перестать дышать, и вода заклокотала внутри. Но море неожиданно отступило, и он снова смог вдохнуть немного жизни и думать, но мысли устремились к Соне и цеплялись за нее, словно она была единственной нитью, все еще связывающей его с миром.

Хорошо, что она не видит... Он бы не вынес ее слез. Не вынес бы ее прикосновений, поцелуев, звука ее голоса. Он так любил ее, что почти физически ощутил ее ужас, когда она

проснется и обнаружит его потерянное тело на соседней подушке. Сильное тело, в котором жизнь оказалась такой неожиданно хрупкой.

Хорошо, что он не узнает, как она станет увядать год за годом. Он всегда будет любить ее за чертой, если там что-то есть. Любить такую, как сейчас, молодую и ослепительную. И не увидит, как она придирчиво ищет в зеркале признаки старости и платит сумасшедшие деньги пластическим хирургам за золотые нити, подтяжки, ботоксы или что там еще успеют придумать, когда подойдет ее время. И только для него она никогда не постареет. Хорошо, что он успел за эти дни насмотреться на нее, запомнить ее самой красивой женщиной не только в этом захолустном Агридженто, но и в любом городе мира, во все времена.

Или не успел насмотреться... Не успел... Ничего не успел! Не успел увезти на их остров и там любить, как она мечтала, не успел поменять ей паспорт, как она придумала, не успел ничего из того, что было отпущено им обоим в ближайшие десятилетия.

И это было чудовищно и несправедливо – умирать в полном сознании и не иметь возможности ничего изменить, позвать на помощь, увидеть слезы в ее глазах, неподдельные слезы о нем. Это позже, когда его не станет, она на похоронах заплачет о себе и своей потере, как всю жизнь он плакал о матери, ушедшей от него, бросившей его уже взрослым и все еще ничего не понимающим мальчишкой. Плакал, как последний эгоист, и винил ее во всем плохом, что случилось потом, забывая, что всем хорошим он тоже обязан ей и ее продолжению в этом изумительном, невероятном, безбожно красивом Сонином теле, которым он владел или которое владело им.

Он столько раз обманывал смерть, когда еще в юности задолго до встречи с Розой разбился на мотоцикле, и его собирали буквально по кускам. Хмурый доктор в реанимации сказал, что он родился в рубашке, а отец столкнул чертов мотоцикл с обрыва и орал, что вообще никогда не пустит его за руль, если увидит рядом с адской машиной. Сколько раз позже он был на волосок от смерти, когда самолет совершал аварийную посадку на разбитой шоссейной дороге, или когда в тайге на охоте на него вышел облезлый медведь-шатун, или вертолет рухнул в горную речку, и им удалось спастись каким-то чудом, всему экипажу и пассажирам, и через пять долгих дней их нашла поисковая группа. Или когда дважды ложился под нож кардиохирурга, потому что сердце больше не хотело играть по правилам. И сейчас, будь на его месте другой человек, он бы знал, чем ему помочь. И, возможно, у этого человека были бы шансы... Но не у него. Не у него рядом с безмятежно спящей Соней.

В этот раз смерть исхитрилась, выбрала правильное время и подобралась слишком близко. Слишком близко для того, чтобы надеяться на еще одно чудо. Прощай, генерал! Пришла пора оставить войско, ждущее нового приказа. Оставить женщин, которых любил, оставить мир, который не успел покорить. Этой ночью мешок с чудесами для него опустел. И будь у него возможность вернуться хоть на несколько часов назад, он бы вернулся только для того, чтобы обнять ее, свою Соню, и в своем мелочном эгоизме заработал бы на ней сердечный приступ, чем вот так, как старик, беспомощный и оставленный умирать наедине со своей памятью.

И когда она увидит его, она обязательно решит, что он бросил ее... Ах, Соня, да разве я бы оставил тебя по своей воле, разве я хотел бы умереть рядом и далеко, не в твоих объятиях, не услышав, что ты прощаешь меня за все. Что ты будешь любить меня, пока мы не встретимся в другом, твоём или моём мире. Что ты будешь помнить меня, хотя бы помнить! Она решит, что он испугался ее клятвы и бросил, и будет плакать о его предательстве и о тысячах не подаренных ей островов и галактик. И даже предположить не сможет, что он бы отдал все блага мира за одно только утро в этой кровати, когда он снова сможет проснуться и сказать: «Обними меня крепче, Сонька, ночь была долгой, и я так соскучился без тебя». И пройдет совсем немного времени, прежде чем она забудет его и станет искать мужчину, кто заменит его, кого он сам ей напроорочил, сгорая от ревности и глядя в ее глаза с плывущими в них облаками.

– Соня, – прошептал он, надеясь разбудить и не смея разбудить одновременно.

Она заворочалась на своей подушке и как будто потянулась к нему, но замерла на половине пути и задышала легко и ровно. На часах было без четверти четыре. В пять минут агонии он смог вместить почти всю свою жизнь, половина из которой была отдана ей, все свои мечты и надежды, всю свою боль и нерастраченную любовь.

Он протянул к ней руку, чувствуя, как предательские слезы бегут по щекам, потому что море переполнило его до краев, и он уже больше не мог дышать и только слышал этот странный клокочущий звук в груди, и боль туманила рассудок, но все еще удерживала сознание на границе реальности и небытия.

– Соня, – одними губами позвал Илья. – Прости меня... Мне пора...

Последней его мыслью была мысль о том, что он успел сказать, как будет любить ее все дни своей жизни, и не успел сказать главного: что и после смерти будет любить ее вечно. И соленое море боли легко и равнодушно поглотило его, а рука бессильно легла рядом с Сониной рукой, так и не успев утвердить свое право обладания ею в этом и иных мирах.

Глава 2. Жизнь после любви

Латунная ручка дрогнула и поползла вниз, и женщина, с усилием протолкнувшись сквозь тяжелую дверь в гостевую спальню, растерянно огляделась. Кровать была застелена с той аккуратностью и педантичностью, как это сделала бы горничная, и Соня почти решила, что ошиблась комнатой, когда за спиной послышалось:

– Чего тебе?

Недовольство в знакомом голосе не произвело на нее должного впечатления, словно она услышала звук, но не уловила грубый смысл, который он нес. Она вошла и опустилась на безупречную постель, разглядывая Павла, стоящего посреди комнаты в одном полотенце, обернутом вокруг бедер. На его груди блестили капли воды, надолго захватившие ее сознание.

– Зачем ты тут?

Он смягчил формулировку и в тот же миг понял, что ответа не дожидается. Ее глаза были распахнуты, но лишены осмысленного выражения. В наркотический транс в ее исполнении он не верил, и потому ее молчание с каждой минутой казалось все более необъяснимым и тягостным.

– Ты меня слышишь?

– Да, – равнодушным голосом откликнулась женщина и по-детски сунула руки под коленки. – Он ушел.

– Кто?

Похоже, получить ответ на этот вопрос было ничуть не проще, чем на предыдущий. Соня надолго застыла, на этот раз удостоив своим вниманием окно, и уж там-то поймать ее взгляд совсем не представлялось возможным. Полковник Тихонов внутренне чертыхнулся и рискнул подойти ближе.

– Илья ушел?

Он никогда не называл шефа по имени в присутствии посторонних и даже наедине с собой – шеф. Но Соне тот не был шефом, и назвать его братом или отцом тоже было неуместно, а уж любовником – вообще непристойно. Поэтому он произнес фамильярное «Илья», и она едва заметно кивнула, не отрываясь от созерцания неподвижных облаков.

– Ты можешь сказать, в чем дело? Куда он ушел? Эта игра в «угадайку»...

– Сядь, пожалуйста.

Она похлопала ладонью по покрывалу, как это сделал бы Илья, и он без разговоров подчинился и уселся на почтительном расстоянии.

– Ты осуждаешь меня? – Соня внезапно повернулась к мужчине, став прежней надменной и уверенной в себе женщиной. – Ты считаешь, что это из-за меня, и он не должен был... И если бы не я, то все в его жизни было бы замечательно?

– Ты пришла в мою комнату почти голая, чтобы обсудить свою биографию?

– Голая? – Она с удивлением осмотрела себя и пожала плечами, как будто не увидела ничего предосудительного в своем соблазнительном ночном наряде. – Какая разница теперь, когда он ушел!

Павел, утомившийся от недомолвок, подсел ближе, взял ее за плечо и хорошенько встряхнул, но она осталась подозрительно безучастна и снова уставилась в пространство невидящими глазами.

– Я не понимаю, а ты не объясняешь толком. – Он чувствовал, что готов сорваться, если молчание еще затянется. – Не дай бог, тебя застанут в таком виде в моей спальне.

– О чем ты, Тихонов! – как сквозь сон пробормотала она и вдруг прислонила голову к его плечу, словно потеряла силы, привалилась теплым боком и жалобно заскулила. – Теперь ничего не будет иметь значения.

И тут он чуть не задохнулся от догадки и собрался срочно надеть штаны и что-то сделать, но в каком направлении двигаться было пока не ясно, а она всхлипывала, как маленькая, тихо и безутешно, и пока она вот так сидела рядом, одеться и действовать было нереально.

– Соня, что с шефом?

На этот раз он не посмел назвать его по имени, словно побоялся, что тот вдруг появится в спальне, когда его верный телохранитель обнимает за плечи женщину, на которой кроме полупрозрачного negligee было только кольцо.

– Я не могу туда вернуться, – сквозь слезы проскулила она. – Он обещал, что останется со мной. Но его больше нет, а я все еще тут, и я не знаю, что делать.

– Ты хочешь сказать?..

– Я проснулась, а он лежит, – осмысленно произнесла она, и у Павла по спине поползли мурашки. – И у него холодные руки, ты понимаешь? Он просто бросил меня и даже не попрощался.

– Идем!

Мужчина рывком поднялся, но Соня вцепилась в браслет на его часах и повисла на его руке.

– Нет-нет! Я не могу. Только не туда.

– Если ты ошиблась...

– Я не могла ошибиться. Я говорила с ним, я смотрела, ждала, но ничего не происходило, он не дышит и не отвечает. Он ушел, ты понимаешь? И не смотри на меня так! Я не виновата в его смерти, я не хотела, чтобы все...

Она затряслась от рыданий, но Павел не мог не смотреть и не мог заставить себя думать. Он возвышался над ней, и она все еще сжимала его запястье двумя руками. Поверить, что Ильи больше нет, и он в один миг лишился шефа, смысла жизни последних лет и удачливого соперника, было почти невозможно. Однако раздетая Соня в его спальне, совсем не надменная, как обычно, сломленная, одинокая и ждущая утешения, была бесспорным тому доказательством.

– Не уходи! – молила она и, пока он колебался, потянула его за руку на кровать и как безумная принялась твердить: «Господи, за что, за что!»

Полковник Тихонов лучше многих знал, за что ей и покойному это наказание, но совершенно не представлял, что делать с этим знанием и как быть самому. Это знание не делало его отмиренным, как мечталось раньше, оно не возвышало его над ней или хотя бы до нее, не давало преимуществ, не решало его проблему, которая оставалась прежней. Социальная лестница разделяла их бесконечной чередой ступеней. И ее слезы были откликом на события наверху, а не закономерным итогом его мести. Он никогда не желал смерти шефу, он любил Илью, насколько один был в состоянии любить, а второй мог вызывать теплые чувства. Но шеф был человеком, с которым у нее были не просто родственные отношения, и эти отношения не давали Павлу забыть о собственном статусе, стоило ему вспомнить о Соне.

Мужчина неловко обнял незваную гостью, чувствуя, как тело, которое обязано было соблюдать нейтралитет или даже быть безразличным, а еще лучше – сострадательным, не справляется с протоколом и откликается на это прикосновение, как будто она пришла к нему не за утешением, а за страстью.

– Соня... – растерянно пробормотал он и отодвинулся, чтобы защититься от бесконтрольных желаний. – Пойдем в твою спальню.

– Я не смогу еще раз увидеть... Я так люблю его...

Она снова скользнула под его руку и замерла, прижавшись так, что у мужчины перехватило дыхание. По спине покатились струйки пота, под волосами на затылке стало мокро и липко, и ему отчаянно захотелось обратно в душ. И непременно взять ее с собой без этих соблазнительных и бесполезных тряпок, сунуть под прохладную струю воды и снова обнять. Да хотя бы просто постоять рядом, ни о чем не думая, давая себе возможность побыть вне вре-

мени в ее немыслимом и притягательном энергетическом поле, в которое он так глупо попался много лет назад. А ее присутствие было бы гарантией, что он не сходит с ума, что там, наверху, услышали его не просьбы, нет, скорее, тайные стремления, и привели ее. И пока она здесь, он будет знать, что это происходит с ним на самом деле.

– Да люби сколько угодно! – мрачным голосом заключил он, еле сдерживаясь, чтобы не уткнуться лицом в ее волосы, собранные на затылке небрежной рукой. – Но если он... – Повторить еще раз то, что случилось с шефом, он не посмел. – Мы должны позвонить родным и в офис. И вызвать полицию.

– Павлик, ты ведь тоже любил его?

Он не понял, к чему был этот вопрос. Она всегда разговаривала так, что он и половины не мог постичь, будто разгадывал загадки на чужом языке. Зато другая половина, понятная не столько словами, сколько эмоциональным настроем, вызывала в нем раздражение и протест. Раньше он не отдавал себе отчета, что любил этого жесткого, временами грубого, непредсказуемого человека. И находил себя только в работе на него, жил его приказами, день за днем почти девять лет был верен ему во всем, как бывший раб, получив вольную, остается верен господину, как адъютант верен генералу, как Крысобою был верен Пилату. И только неугасимая страсть к этой женщине омрачала его отношение к Илье.

А теперь он держал ее в объятиях на краю постели, и стоило лишь дать себе волю, отпустить на свободу дремлющего зверя, и едва ли ее сопротивление станет преградой для его неумолимой страсти. Полковник Тихонов молчал так долго, что Соня подняла голову, встретилась с ним глазами и испытала настоящее дежавю, глядя в лицо мужчины, который старался скрыть свои истинные чувства, но не мог. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и она думала об Илье, а он вовсе не мог думать, вдыхая запах ее духов и мысленно обладая ею.

– Я знаю, ты любил, – не дождавшись ответа, заключила она и убрала прядку волос за ухо, и, не зная, чего она добивается, он предпочел умолчать о своих истинных чувствах.

– Я не девица, чтобы любить его. Я на него работал. И я не понимаю, чего ты хочешь.

– Мы с тобой не можем отдать его.

Даже сидя рядом, она смотрела сверху вниз, как королева, и он почти поддался притягательной силе ее серых глаз в обрамлении мокрых ресниц и готов был уже согласиться с чем угодно, лишь бы эта минута длилась целую вечность. Теряя ощущение реальности, когда ее пальцы взбежали по его плечу, а маленькая твердая ладонь обхватила затылок, он готов был пообещать все, что угодно, даже луну с неба, даже похоронить мертвое тело шефа в саду за домом, даже любить ее вечно, Павел наклонился, чтобы поцеловать приоткрытые губы, когда услышал:

– Я слишком люблю его, чтобы отпустить!

– Ты спятила!

Он оторвал от себя ее руки и почти шарахнулся в сторону, но уйти не посмел, потому что безумно хотел эту плачущую женщину, хотел прямо здесь и сейчас, невзирая на известие о смерти, которое она принесла.

– Он не твоя собственность, Соня! – наконец, заговорил телохранитель Ильи, и в его голосе были слышны враждебные нотки обиды, но она была всецело поглощена своей безумной идеей, чтобы заметить в нем резкую перемену. – Жена и дети имеют право знать, и ты не можешь удерживать его или закопать на вилле.

Слово «закопать» еще до того, как было произнесено, раскололо только начавшееся утро на две неравные части. В первой, совсем короткой, было ее пробуждение, как всегда с улыбкой, с надеждой на новый день, на завтрак, который она намеревалась принести в спальню и потом валяться на подушках, поедая аппетитные гренки и отхлебывая из его чашки, потому что из его чашки кофе всегда был вкуснее. Но Илья спал, пока она мечтала с закрытыми глазами, и ничего не знал о ее фантазиях. И когда она тронула его руку, осторожно, чтобы плавно

увести из сна, он не шелохнулся, не спросил: «Почему ты сегодня так рано?», не обнял, и Соня, еще не заподозрив худшего, удивилась, как холодны и безответны его пальцы. Она позвала его по имени, и он не проснулся, она придвинулась и в один миг поняла, что его уже нет и никогда не будет рядом. Тело, лежащее на постели, не было Ильей. Это была оболочка мужчины, кого она знала с рождения, пустая и безжизненная, которая не могла ни ответить, ни шелохнуться, ни остаться с ней так долго, как он поклялся всего несколько часов назад. На всю ее одинокую теперь жизнь.

Она снова позвала его и притронулась к мертвой руке, уже понимая, что он не здесь. И в этот миг ткань пространства порвалась, животный ужас подхватил ее и закружил по комнате, перемешивая предметы и образы. Душа рванулась из тела, из спальни, из опустевшей вселенной и, пойманная в ловушку реальности, забилась, как впорхнувшая в форточку птица. А потом что-то вновь изменилось, и Соня, задыхаясь от ужаса и боли, металась между двумя мирами в поисках ушедшего возлюбленного, пока комната закручивалась в спираль, в гигантскую воронку, и женщина тонула в ней, желая умереть, исчезнуть, уйти за ним, и не могла утонуть. Все кончилось внезапно и страшно, кошмар распался, с тихим звоном осыпался на ковер, придавил ее к кровати неземной тяжестью. Ей хотелось заплакать, но слезы никак не приходили, а голова отказывалось принимать истину о его смерти. Она, которая могла зарыдать посреди улицы над бездомным котенком, над воспоминанием о трогательном диалоге в романе, над скульптурой Родена, смотрела на тело брата и возлюбленного сухими глазами и думала о себе. О том, что ей придется заточить себя на острове, потому что после скандала, который уже случился, и того, который вот-вот грянет, едва пресса узнает о смерти Ильи, возвращение на родину, как и вообще появление на публике, будет ее последней битвой. О том, что похоронив себя в чужой и ненужной без него Европе, она похоронит и свои надежды, которые держали ее на плаву последние годы. И все, к чему ей останется стремиться в жизни, – выйти замуж, продать себя мужлану, который не будет понимать ее ни единого дня, зато будет мучить в спальне супружескими притязаниями и вывозить в свет, как коллекционную находку, потому что никакой другой пользы от красивой и все еще молодой жены для него не будет. Она в деталях представила себе тупого бюргера, почему-то именно бюргера с пивным брюхом, а не вальяжного итальянского барона, которых в Италии было пруд пруди, и его безвкусный дом-крепость, и глупую собаку, которая будет путаться у нее под ногами, и еще какие-то мелочи, пошлые, незначительные, сводящие с ума своей бессмысленностью и чужеродностью. А Ильи уже не будет... Не будет язвительных вопросов в ответ на вопрос, телефонных звонков с кратким прощанием: «Ну, все, мне некогда, пока!», потому что ему всегда было некогда, не будет знакомого с детства: «Не болтай глупости, Сонька!» и насмешливой улыбки. Кто станет любить ее милые глупости, ее солнечную улыбку по утрам, неожиданную ласку на заднем сидении машины? То, как она сбегает по лестнице, словно молодой щенок, или хмурится над передовицей в газете, и как слезы сами собой начинают течь по ее щекам, когда она думает, что любовь не вечна. Воспоминания нахлынули на нее, как девятый вал, и, задыхаясь под их непомерной тяжестью, она смотрела на его неподвижный профиль.

И вдруг подумала о Павле. Уж он-то всегда знает, что делать, он предан семье, как вскормленный с руки волк, и как зверь готов защищать и биться до конца. Соня приподнялась на локте и с обидой взглянула на брата. Он ушел и не простился, не обнял и не вспомнил о ней. И это было так эгоистично с его стороны, так похоже на него, что слезы снова подступили к горлу, но не пролились, добрались до ресниц и тут же высохли, словно на горячем ветру. Она, пятясь, сползла с кровати, боясь еще раз тронуть безжизненное тело, и пошла к двери, позабыв, что из одежды на ней практически ничего нет, а то, что есть, призвано не скрывать, а соблазнять.

И вот этот разумный и ответственный Павел, которому она доверяла, заговорил о похоронах. И даже если он сто раз прав, как ей смириться с фактом, что похоронить надо не про-

сто Илью, его тело, оставшееся в их спальне, но и их воспоминания, их обещания друг другу и грехи, ставшие мелкими ошибками перед лицом его смерти. И если она согласится с его логичными доводами, то потеряет все, что у нее осталось: возможность приходить на его могилу среди апельсиновых деревьев и разговаривать с ним, зная, что он слышит и помнит о ней. И как ей отпустить то последнее, что осталось от их невозможной, порочной, долгожданной и такой короткой жизни вместе!

– Они давно привыкли обходиться без него, а я без него не могу.

– Научись, – отрезал Павел. – Иди туда, Соня. Я только оденусь.

– Я не смотрю.

Он отвернулся и сбросил полотенце, зная, что она солгала.

– Как тебе удастся сохранять такой рельеф?

– Прекрати меня рассматривать!

– Тебе нечего стесняться, – без эмоций заметила Соня и снова вернулась мыслями к подвигу, который ей предстояло совершить: войти в комнату, где лежал Илья, вернее, то, что от него осталось.

Одевшийся Павел твердо взял ее под локоть и вывел в коридор. Она глядела исподлобья и упиралась, но шла за ним по мягкому ворсу ковра, помня, что надо постараться не расплакаться, хотя в носу щипало, и было трудно вздохнуть.

– Подожди! – Не дойдя до двери нескольких шагов, она часто задышала, как набегавшая по двору собака. – Мне надо передохнуть.

Но бесчувственный телохранитель втолкнул ее в комнату, где закончил свой жизненный круг шеф. Снова оказавшись лицом к лицу со смертью, Соня потеряла силы к сопротивлению, и ее неудержимо повлекло к Илье, как будто в груди у нее был встроен магнит. Павел двинулся следом и, наклонившись над постелью, взял безжизненное запястье. С другой стороны Соня свернулась калачиком возле мертвого тела.

– Он умер во сне, – негромко сообщил Павел и бережно вернул безжизненную руку на простыню. – Думаю, он не мучился.

– Какая теперь разница! Он бросил меня.

– Он просто умер, Соня. Все умирают.

– Не все! Ты жив, и я жива...

Вступать в бессмысленный спор с женщиной на грани истерики полковник Тихонов не стал, обошел кровать и сел с ней рядом, сочувственно провел ладонью по ее напрягшейся спине, не ощутив почти ничего запретного. Но она раздраженно дернула лопатками «не тронь», и Павел неохотно убрал руку.

– Соня, оденься и вызови полицию, а я позвоню в Москву.

– Я не хочу звонить. И не хочу, чтобы ты звонил.

– Это не обсуждается.

Она села на постели, подобрав под себя голые ноги, от которых ему было трудно отвести глаза, и уперла кулаки в матрас.

– Ты хоть представляешь, что нас ждет?

– Гораздо лучше, чем ты! Но скрывать его смерть мы не можем. Максимум, что можно изменить, это сказать, что он умер ночью в кабинете.

– Кто нам поверит? – Вскрикнула она и тут же виновато оглянулась. – Это будет не просто скандал, это будет грандиозный скандалище, просто фурур.

– Да какая тебе разница, черт возьми! – вдруг взорвался потерявший терпение Павел. – Человек умер, а ты думаешь о том, как прикрыть свою задницу.

– Ты ничего не понимаешь, Тихонов, – устало возразила она, и слезы безудержно закапали на подушку. – Все, что он делал в жизни, будет перечеркнуто этой смертью в моей постели, сплетнями, всей этой грязью, которую выльют на него. Я никто, я – мелкая сошка, которая

никого не интересует, если его нет рядом. А его имя будут полоскать в прессе, офис будет смаковать подробности, а жена с детьми... И никто не поймет, что иначе и быть не могло. Он был мой с самого начала. Я родилась для него, и он был обречен любить меня. И мне никто не нужен, кроме него.

– Ты рассуждаешь, как глупая школьница. – Полковник Тихонов и хотел бы утешить ее, но не знал, чем, и в своем бессилии был груб и бестактен. – Это все романтические бредни! Есть химические процессы, которые управляют человеческими телами, и то, что его тянуло к тебе – чистая физиология. Наверное, была и душевная склонность. Ты интересная женщина. И он растил тебя и был привязан к тебе.

– Ты такой же, как все! – Она шарахнулась от его плебейской правды, размазывая по щекам катящиеся слезы. – Нет! Ты хуже! Ты был рядом и все равно низводишь все, что видел, до банальной похоти.

– Я много чего видел, принцесса! – огрызнулся Павел, не желая принимать ее правду. – И не все было сказочно, как это видится тебе. Его тянуло к разным женщинам. Он был нормальный, приземленный мужик, который постоянно утверждал свою мужскую сущность, а для этого ему надо было иметь...

– Убирайся!

Она согнулась пополам, обхватила голову и зарыдала в голос, впервые с момента пробуждения отпустив на свободу боль и отчаяние. Мужчина сжал зубы и некоторое время смотрел в сторону, не в силах преодолеть себя и пожалеть ее. Он думал о том, что эта женщина и впрямь была создана для другого, и в ее словах было гораздо больше правды, чем он мог себе позволить признать. Он помнил обычно невозмутимое лицо шефа в зеркале заднего обзора, когда тот звонил сестре, и вся гамма эмоций на этом лице свидетельствовала об одном – Соня была его наваждением и путеводной звездой. Он помнил его глаза, когда тот смотрел на спящую Соню в Питере, и в этих глазах не было похоти, только чувство, название которого знали они оба. Он видел лютую ярость, когда мерседес отъехал от злополучного банка, а Соня осталась стоять возле красного джипа с помятым букетом белых лилий у ног. И это было не обидой и разочарованием собственника, потерявшего ценную коллекционную вещь, это было неистовство обманутого любовника. И Павел мог только догадываться, что творилось в душе шефа, когда он в пальцах сломал телефон, как спичечный коробок, и даже не заметил этого. Он лучше многих знал человека, о ком рыдала Соня, и понимал, что другого такого в ее жизни уже не будет.

Павел почувствовал, как тяжелая дрожь прошла между лопаток, когда, наконец, и он осознал, что Илья мертв окончательно и навсегда. Соня скорбно раскачивалась из стороны в сторону и бормотала что-то нечленораздельное, как плакальщицы на кладбище, и ему стало трудно дышать от острой жалости к ней.

– Иди сюда!

Его приказ вторгся в полотно ее причитаний, на миг разорвал его, и, не дожидаясь, пока она поймет, он схватил ее в охапку и забрал на колени, как ребенка, прижал к груди. Она обвила его шею руками и, перестав причитать, заскулила и залила слезами его рубашку.

– Бедная моя, – шептал он в надежде, что едва ли она способна слышать. – Все пройдет, девочка, все пройдет.

Ее волосы были темными и шелковыми, как ночное море, и пальцы тонули в них, как в прибое. С легким щелчком заколка отпустила их на волю, и они накрыли ее почти всю, скорчившуюся у него на коленях.

– Мне страшно, Павлик...

– Я знаю! – Он прижал ее голову к своему плечу, уткнулся губами в непослушные завитки и замер, чуть покачивая ее, как засыпающего младенца. – Поплачь. Такую боль нельзя носить в себе. Надо выплакаться, и тебе станет легче.

– Разве может стать легче?

Она попыталась отстраниться, но он удержал ее, обнял еще крепче.

– Ты будешь вспоминать, но так больно уже не будет.

– Ты кого-то терял?

Он на секунду ослабил хватку, и она подняла к нему мокрое лицо. В распахнутых глазах был вопрос-изумление, будто ей впервые открылось, что робот может испытывать чувства.

– Это неважно.

Он окаменел и отвел затуманенный воспоминаниями взор, не желая беречь старые раны.

– Ты терял... – утвердилась в своей мысли она и вздохнула. – И ты знаешь, как быть. А я не умею. Я боюсь...

Она снова всхлипнула и вскинула руки ему на плечи, намереваясь прижаться снова, спрятаться от своего неизбежного горя. И тогда он поцеловал ее. Просто начал трогать губами мокрые щеки, веки с отяжелевшими от слез ресницами, виски, уголки губ, и она закрыла глаза и отдалась его жалости, как ребенок, который берет силы в уверенности взрослого. Она доверилась ему, несчастная, почти раздетая, опустошенная, и он повторял: «Все пройдет!» и едва не потерял рассудок, когда она ответила на его поцелуй. Но о том, что было в этом ответе, он сразу же постарался забыть, потому что она отпрянула и сползла с его колен на одеяло.

Минуту они молчали. Он рассматривал свои ботинки, неуместные в мягком ворсе ковра, она жалась к мертвому телу, как преданная собака, и боялась прикоснуться, чтобы еще раз убедиться, что ничего не изменилось, и земная оболочка отпустила душу, без которой тело было всего лишь знакомым предметом, не более.

– Позвони в полицию и в Москву. Я останусь с ним.

Павел только и ждал этих слов, чтобы уйти и не видеть, как она улеглась рядом со своим мертвым возлюбленным и вложила пальцы в его холодную ладонь. Живой мужчина, лишенный права быть любимым, стиснул зубы и закрыл за собой дверь, оставив любовников наедине.

С приездом полиции ему пришлось одевать ее, как куклу. Соня была безучастна и молчалива, и оживилась лишь, когда он, как заботливая нянька, собрал ее волосы неловкими пальцами и долго возился с заколкой.

– Я сама.

– Расскажи им. Я не бельмеса на этом птичьем языке.

Черноглазый офицер слушал с подчеркнутым вниманием, что-то записывал, переспрашивал, взглядывая на неподвижное тело. Павел не понимал ни слова из ее рассказа и злился, потому что хотел услышать именно эти подробности, которые теперь знала итальянская полиция, а он, как личный телохранитель, не знал. Горничная замерла у двери, сложив руки на кремовом переднике, и лишь иногда подносила к носу сухой скомканный платок. Несколько раз Мария попыталась поймать его взгляд, но он с раздражением отвернулся, не настроенный на обмен невербальной информацией. В какой-то момент Соня подозвала его, он подошел и стал отвечать на вопросы, которые задавал офицер. Соня переводила и крепко держала его за руку, как будто от этого его свидетельство становилось более значимым. Наконец, допрос прекратился, и женщина выронила его ладонь, разрывая связь.

– Я позвонил Розе, – негромко сказал он в обращенный к нему затылок с небрежно заколотыми черными кудрями.

– О, господи! – выдохнула она и ничего не спросила.

И он вдруг вспыхнул злостью на этот инфантилизм, на жертвенную трусость не знать, что сказали на другом конце мира.

– Она интересовалась тобой.

– Я не хочу это слушать.

– Тебе придется!

Он повысил голос, и офицер поднял голову от бумаг и с удивлением посмотрел на этих странных русских.

– Она переживает за тебя.

– Она заплакала, когда ты сказал? – Соня пропустила его слова мимо ушей, одержимая одной мыслью, но он промолчал. – Она много лет не любит его.

– Она любит тебя и жалеет.

– Ты ничего в этом не смыслишь, Павлик. Он ушел от нее ко мне. С чего ей жалеть меня?

– Ты дура! – Он с садистским удовольствием растянул букву «у», как будто отомстил ей за недавний безответственный поцелуй. – Она растила тебя, как дочь. И оттого, что ты оказалась неблагодарной тварью, ее любовь к тебе меньше не стала.

– Если бы она любила его...

– Их отношения тебя не касаются. Семейная жизнь – не праздник каждый день. Просто ты в своем эгоизме ничего об этом не знаешь.

– Заткнись! – Они оборвали перепалку, натолкнувшись на недоумевающий взгляд полицейского, и Соня неожиданно рассмеялась. – Он решил, что мы любовники.

– Еще чего!

В своем презрении друг к другу они были единомышленны и напряженно замолчали, стараясь не встречаться глазами.

Когда офицер в сопровождении Марии ушел, Соня вновь улеглась на кровать, но Павел, ни слова не говоря, сгреб ее в охапку и выставил из спальни, безапелляционным тоном заявив, что теперь ей здесь делать нечего, и она должна переселиться в одну из комнат вплоть до отправки тела Ильи на родину. Он ждал слез, истерики, всего, чего угодно, но она безропотно подчинилась и, забравшись под одеяло в гостевой спальне, свернулась на подушке и закрыла глаза, потеряв силы и желание спорить. Мужчина остался стоять посреди комнаты, размышляя, надо ли повторить инструкции или искать слова утешения, которые никак ему не давались.

– Соня, – нерешительно начал он, но она неожиданно подняла голову и посмотрела на него осмысленным взглядом, – тебе надо собраться. Времени мало. Самолет будет вечером.

– Это исключено. – Она не сводила с него внимательных, почти черных глаз. – Я не вернусь.

– Твой долг похоронить его.

– Нет.

– Ты не можешь так обойтись с ним, со всеми.

– Его нет, а на остальных мне плевать.

– Ты пожалеешь.

– Может быть... позже... когда-нибудь...

– Тебя не поймут.

– А если я приеду с его телом – меня поймут?

Представить появление Сони у гроба Ильи в окружении родных Павел не смог. Он исчерпал аргументы и просто торчал посреди комнаты, как истукан, уронив руки вдоль тела. Она вздохнула и прикрыла лицо локтем.

– Делай, что положено.

– Если ты не поедешь, я тоже останусь, – подвел итог он и вышел, в сердцах хлопнув дверью.

– К чему такие жертвы? – истерически крикнула она ему вслед и, не получив ответа, натянула на голову одеяло и снова заплакала от жалости к себе.

Павел надеялся уговорить ее до последнего часа, но его подходы оказались безрезультатными. Там, где Илье достаточно было чуть изменить интонацию или нахмуриться, другим требовались дни уговоров без какой-либо гарантии на успех. Соня была непреклонна и почти

спокойна, если не считать следов слез на измученном лице. По дому ходили чужие люди, она прислушивалась к шагам и вздыхала, догадываясь о цели этих непрошенных визитов. Наконец он сделал последнюю попытку.

– Соня, машина через полчаса уходит. Ты можешь попрощаться.

– Я не могу.

– Я не спрашиваю тебя, можешь ли ты!

Он извлек ее из кровати, как больного ребенка, и, подчиняясь силе, она покорно поплелась за ним, но на пороге спальни остановилась. Посреди комнаты царствовал гроб.

– Это же неправда, что он умер? – В ее распахнутых глазах стояли слезы. – Он вчера пообещал... поклялся...

– Иди! – Павел подтолкнул ее и остался в коридоре, закрывая собой дверной проем от любопытных глаз. – У тебя мало времени.

Соня склонилась над лежащим телом, всмотрелась в знакомые черты, которые лишь отдаленно напоминали Илью. Даже во сне у него не было такого сурового и отрешенного лица. В белом шелке траурной обивки лежал другой человек. Даже не человек – оболочка, которую она не узнавала и которой должна была что-то сказать на прощанье.

– Я тебя люблю, – тихо объявила она и не поверила себе.

И человек со сжатыми губами, заострившимся носом и хмурыми бровями тоже не поверил. Скрещенные на груди руки словно отгораживали его от всего мира и от ее чувств.

– Я не знаю, как жить без тебя.

Без того, которого еще вчера целовала на извилистых улочках Агридженто, которому ночью пообещала вечную любовь. Любовь до гроба. Как накаркала.

– Прости меня!

Слезы снова прорвали плотину, и она не стала удерживать их. Сквозь мутную пелену лицо лежащего человека расплывалось, было не таким жестким и чужим. Она склонилась ниже, рассматривая пиджак, застегнутый на все пуговицы, запонку в манжете белой рубашки, строгий рисунок галстука, и стала представлять, как через два дня возле могилы соберутся родственники и друзья, партнеры и коллеги. И только у нее есть эти несколько минут... И больше ничего. Ни места, куда принести цветы, ни сочувствия окружающих.

В конце концов, она перестала плакать и просто закрыла глаза в ожидании, когда Павел освободит ее от необходимости мучиться своей потерей в присутствии незнакомого тела, потерявшего дорогую ей душу. И когда он подошел и взял ее за плечо, она поспешно отступила, уткнулась в него носом и с облегчением вздохнула.

– Увези меня в горы.

– Ты не передумала лететь? Они сейчас уезжают.

– Увези.

Он сомневался в ее способности принимать решения, в этом бездушном прощании с телом, в бегстве от реальности, которое она выбрала. Возможно, спустя несколько часов, или дней, или даже недель она пожалеет, что не полетела в Москву, и устроит ему скандал, почему он не настоял, и он снова окажется крайним, но уже ничего нельзя будет изменить.

– Только скажи, и я поверну к самолету.

– Не смей думать, что я спятила.

Она забралась на пассажирское кресло с ногами, и он, неодобрительно покачав головой, не стал призывать ее к порядку. Он катал ее по горным дорогам, пока свет окончательно не растворился в море, а Соня смотрела за окно и задавала ничего не значащие вопросы, как будто день был обычным, серым, непримечательным, и пыльный катафалк не петлял между скал, навсегда увозя ее надежды с острова дьявола.

Перед сном Павел принес успокоительное и отечески погладил ее по голове.

– Скоро станет легче.

Соня отстранилась от этой неуместной ласки и подмяла под себя вторую подушку. Он заботливо укрыл ее плечи одеялом и неплотно прикрыл дверь. В коридоре уже дежурило кресло, в котором он намеревался провести ночь, чтобы пресечь любые глупости с ее стороны. Но через несколько минут она провалилась в сон, и он вытянул ноги и устроился удобнее, карауля наступление утра.

Весь следующий день телефон в доме не умолкал, но Соня не ответила ни на один звонок, сбежав в библиотеку с толстой книжкой на коленях. Страницы были испещрены почти идеальными столбиками четверостиший, но взгляд женщины чаще погружался в море, чем в стихи. Павел выдернул с полки первую попавшуюся книгу в аскетичном переплете и теперь мучился от злости, перелистывая главы «Маленького принца», которого ненавидел еще со школы. Почему под руку попался именно Экзюпери, он не знал и не желал видеть в этом ничего символического. Но избавиться от него тоже не решался и, в конце концов, успокоился, раскрыв повесть ровно посередине и не перевернув в последующие несколько часов ни единой страницы.

Трижды заходила Мария с подносом, но лишь однажды он вынудил Соню съесть кусочек хлеба с моцареллой и выпить апельсиновый сок. Свой обед он уничтожил по-походному быстро, справедливо рассудив, что морить себя голодом ни в этой, ни в другой ситуации неэффективно.

Когда стемнело, он снова отвел ее в спальню, как преступника в камеру после затянувшейся прогулки.

– Можешь не беспокоиться за меня, – тихо сказала она и задержала взгляд на кресле у двери.

– Не могу, – отрезал полковник Тихонов, не считая нужным вступать с ней в дискуссию по такому ничтожному поводу.

– Тогда следи за мной не так явно.

– И это не могу.

Соня дернула шнурок у кровати и несколько минут объясняла что-то Марии, пока та поглядывала на недоумевающего и оттого раздраженного мужчину. К тому моменту, как Соня вернулась из ванны посвежевшая, но с тем же каменным лицом, в комнате произошли перемены. Возле двери стояла застеленная раскладная кровать, неизвестно откуда взявшаяся в доме.

– Так лучше, – равнодушно констатировала она. – Хотя это ложе тебе не по росту.

– Ты заботаешься обо мне? – удивился Павел, но она только пожала плечами и безразлично отвернулась.

Он лежал, заложив руки за голову, и снова думал о запретном, чему не суждено свершиться. Во всяком случае, пока она тоскует о брате, который ушел и навсегда остался его главным соперником даже после смерти.

– Его уже похоронили, как думаешь? – спросила она следующим вечером, когда они сидели в саду, и с моря дул теплый влажный ветер, приносящий облегчение после дневной жары, которая неожиданно для этого времени года нагрянула на южный берег острова.

Павел прищурился на часы, с которыми не расставался никогда, и сделал скидку на часовый пояс.

– Полагаю, что да.

– Вот и все, – почти весело кивнула она и усмехнулась. – Ну, и каков твой рецепт выживания?

– Рецепта нет, – помрачнел он. – Просто жить. День за днем, месяц за месяцем.

– И станет легче?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.